

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(СПбГУ)**

Выпускная квалификационная работа на тему:

СИСТЕМА ПРОШЕДШИХ ВРЕМЕН В САНСКРИТЕ

по направлению подготовки 41.03.03 «Востоковедение и африканистика»
образовательная программа бакалавриата «Востоковедение и африканистика»
профиль «Индоарийская филология»

Выполнила:
студентка 4 курса
кафедры индийской филологии
Забелина Елизавета Александровна

Научный руководитель:
К.ф.н. доцент Тавастшерна Сергей Сергеевич

Санкт - Петербург

2017

Содержание

Список сокращений и аббревиатур	3
Введение	4
Глава 1. Прошедшие времена в санскрите.....
1.1. Определение понятия «санскрит»	6
1.2. Определение понятия «прошедшее время».....	11
Глава 2. История изучения санскритских прошедших времен в древний и современный периоды
2.1. Изучение прошедших времен санскрита в древней Индии.....	16
2.2. Изучение прошедших времен санскрита в рамках современной лингвистики	20
Глава 3. Система прошедших времен в санскрите.....	26
Глава 4. Внешние факторы формирования системы.....	30
Глава 5. Изменения системы прошедших времен
5.1. Ранний период.....	37
5.2. Средне- и поздневедийский период.....	44
5.3. Эпический период.	50
5.4 Классический и средневековый санскрит	59
Заключение	65
Список источников и использованной литературы	67

Список сокращений и аббревиатур

1 – первое лицо	АВ – Атхарваведа
2 – второе лицо	АБ – Айтарейя-Брахмана
3 – третье лицо	БАУ – Брихадараньяка-Упанишада
ACC – винительный падеж	БЧ – Буддхачарита
AOR – аорист	ВадхБ – Вадхула-Брахмана
DAT – дательный падеж	ВСМ – Ваджасанейи-самхита (рец. Мадхьяндина)
FUT – будущее время	ВСК – Ваджасанейи-самхита (рец. Канва)
GEN – родительный падеж	ГБ – Гопатха-Брахмана
IMPF – имперфект	ДжБ – Джайминийя-Брахмана
INF – инфинитив	МБх – Махабхарата
INSTR – инструментальный падеж	МС – Майтраяни-самхита
LOC – местный падеж	КБ – Каушитаки-Брахмана
NOM – именительный падеж	КС – Катхака-самхита
NEG – отрицательная частица	КСС – Катхасаритсагара
OIA – праиндоевропейский язык	Р – Рамаяна
PL – множественное число	РВ – Ригведа
PRES – настоящее время	РВКх – Ригведа-кхилани
PRF – перфект	ТА – Тайттирийя-Араньяка
PRT – частица	ТБ – Тайттирийя-Брахмана
PTCP – причастие	ТС – Тайттирийя-самхита
QUOT – маркер цитирования	ШБМ – Шатапатха-Брахмана (рец. Мадхьяндина)
SG – единственное число	ШБК – Шатапатха-Брахмана (рец. Канва)
VOC – звательная форма	ХВ – Харивамша
	ЧхУ – Чхандогья-Упанишада
	ЯВ – Яджурведа

Введение

Санскрит — особый язык, отражающий древнеиндийскую культуру и понимаемый только через нее. Практически ничего не известно о разговорных вариантах санскрита, и хотя они, по-видимому, существовали, неясно, допустимо ли называть и их санскритом¹, или санскрит изначально развивался как отдельный стиль, который употреблялся только брахманами в сфере науки и искусства. Даже с точки зрения хронологии понятие «санскрит» вызывает споры у исследователей. При изучении грамматики санскрита необходимо учитывать изменчивость во времени и пространстве, роль стилистики сохранившегося материала и влияние на язык самой лингвистической традиции его изучения.

В санскрите традиционно описывают три грамматических времени², используемых для передачи действий в прошлом: имперфект, аорист и перфект. Названные по модели классических в индоевропеистике времен древнегреческого благодаря формальному сходству, времена санскрита никогда полностью не совпадали с ними в семантике и употреблении. Их взаимосвязь в языке понимается в данной работе как система прошедших времен. Классические грамматики санскрита, как индийские, так и западные, описывают морфологию системы, но не позволяют объяснить многие случаи использования этих времен в текстах. Таким образом, представляется актуальным описание системы прошедших времен в санскрите как потенциального объекта лингвистического изучения.

Предмет работы: воплощение этой системы в некоторых текстах ведийского канона и эпоса, с привлечением примеров из ранней

¹ Самоназвание языка «санскрит» можно перевести как «совершенный». Но уже в ведийский период существовали народные диалекты, отличающиеся от языка культа [Witzel 1989: 12].

² В данной работе рассматриваются синтетические личные формы прошедшего времени. В разные периоды в языке существовали также аналитические способы выражения прошедшего времени, такие как сочетание причастий с вспомогательным глаголом, формы настоящего времени с частицей «sma», описательный перфект.

классической и средневековой литературы. Основные источники: тексты ведийского канона, «Махабхарата», «Рамаяна», «Харивамша», «Буддхачарита».

Цель данной работы — дать краткое описание системы прошедших времен в санскрите, важных этапов в истории ее развития и факторов, повлиявших на ее формирование.

Задачи: проследить историю изучения системы, описать факторы ее формирования в синхронии, отметить некоторые ее морфологические особенности и в общих чертах описать ее реализацию в текстах разного периода.

В первой главе данной работы будет кратко определена специфика понятия прошедшего времени в санскрите. Во второй главе будут описаны тенденции изучения прошедших времен санскрита в Индии и на Западе. Третья глава содержит определение понятия «система прошедших времен» применительно к санскриту. В четвертой главе будут отмечены некоторые важные факторы формирования этой системы. Наконец, в пятой главе будет представлен общий обзор изменения этой системы в текстах разного периода.

Глава 1. Прошедшие времена в санскрите

Морфологические формы, соответствующие имперфекту, перфекту и аористу, употребляются уже в древнейших памятниках словесности — текстах ведийского канона — и сохраняются до средневековья, хотя их начинают активно вытеснять причастия. Однако функциональность и семантика выражаемых ими времен очевидно меняются. Прежде исследования изменений необходимо обозначить, что в данной работе понимается под санскритом и прошедшим временем соответственно.

1.1. Определение понятия «санскрит»

В узком смысле под названием «санскрит» понимают классический вариант индоарийского языка, кодифицированный в трудах грамматистов и используемый в литературе и науке. В широком смысле санскритом называют древний индоарийский язык (OIA), который, таким образом, включает в себя все стадии существования языка, начиная с ранневедийского и вплоть до средневековья³. По другой интерпретации это понятие объединяет язык эпических текстов и классический санскрит. Так или иначе, язык представлен нам в текстах, и хронология также необходимо привязана к текстам.

Абсолютную хронологию этих текстов представить трудно: приблизительное распределение само отчасти основывается на лингвистических данных. Условная хронология текстов на санскрите (в широком смысле) представлена в виде таблицы (1.1), основанной на таблицах и данных в работах Т. Барроу [Burrow 1973: 54], М. Витцеля [Witzel 1989], А. Даля [Dahl 2015: 43]:

Таблица (1.1) Хронология санскритских текстов

³ В строгом смысле такое определение неверно, поскольку древний индоарийский был представлен несколькими разновидностями, из которых в текстах сохранился только ведийский (также неоднородный).

Ранневедийский	Язык Ригведы
Ранний средневедийский	Язык мантр всех рецензий АВ, ЯВ (ТС, МС, КС, ВС) и РВКх.
Средневедийский	Язык самых древних прозаических ведийских текстов (таких, как ТС, МС, КС, АВ I-V, ТБ I-III 9, ТА III-VI, ШБМ VI-X).
Поздний средневедийский	Язык поздних прозаических текстов (например, АВ VI-X, ШБМ I-V, ТБ III 10-12, ДжБ, КБ).
Поздневедийский	Язык позднейших прозаических ведийских текстов (например, БАУ = ШБМ X 6.4-6.5.8, XIV 4.1-9.4)
Эпический санскрит	Язык Махабхараты и Рамаяны
Санскрит литературы и науки	Язык произведений Ашвагхоши, Патанджали (на рубеже эр) [Burrow 1973: 54]
Классический санскрит	Язык классических произведений: творчество Калидасы, Баны, Бхасы, Сомадевы, Дандина, научные трактаты и т.д.

Ведийский язык, самый ранний памятник которого относят к 15 в. до н.э. был непосредственным источником происхождения санскрита⁴ и в течение долгого периода сосуществовал с ним, оставаясь языком культа. Между ними существуют серьезные грамматические различия, позволяющие рассматривать их как отдельные языки. Однако изменение грамматики не

⁴ Интересно, что само название языка «санскрит» впервые зафиксировано только в эпической поэме «Рамаяна» [Renou 1956: 5].

происходит скачками, поэтому при изучении санскрита неизбежно обращение к ведийскому материалу⁵.

Ранневедийский — религиозные гимны РВ — по своей природе плохо подходит для изучения семантики времени⁶. Первые прозаические фрагменты текстов появляются уже в АВ и РВКх, затем в экзегетических текстах Брахман, но повествование в ведийских текстах фрагментарно. Ритуальные инструкции Брахман, запреты и предписания Шастр и Сутр, эзотерические отождествления Упанишад не предполагают линейного развертывания событий. Встречаются лишь отдельные повествовательные отрывки, в основном содержащие мифологические сюжеты. Однако, очевидно, что меняющаяся грамматическая система сохраняет часть архаичных форм и моделей, которые могут быть необъяснимы на уровне синхронии, так что даже отрывочные фрагменты ведийской прозы могут оказаться ценным материалом для сопоставления.

Между поздневедийским языком и санскритом нет строгой границы. Поздние тексты ведийского канона содержат фрагменты, отличающиеся по грамматике от средневедийского: некоторые ученые считают их образцами текстов «переходного периода» от ведийского к санскриту. Возможно, связующее звено между ведийским и эпическим, и далее классическим санскритом содержится в языке так называемых жертвенных песен («*yaṣṭagāthāḥ*»), встречающихся в таких текстах, как АВ и ШБ [Witzel 1989: 30-31].

⁵ В данной работе невозможно подробное исследование ранневедийского языка, однако представляется необходимым привлечь краткие описания грамматики того периода на основании существующей научной литературы.

⁶ Как предлагает М. Витцель [Witzel 1989: 26], следует считать язык РВ скорее последней стадией развития древней индоарийской поэзии, нежели чем началом ведийской словесности. Кроме того, надо учитывать, что время мифологического повествования не ориентировано на момент речи. В ранневедийском еще недостаточно развит дейксис: в нем сохраняется даже архаичная система инъюнктива, глагольных форм, не различающих грамматического времени и наклонения, использовавшаяся как стилистический прием для обозначения вневременных событий мифа [Елизаренкова 1982: 37-38].

Можно предполагать, что этот язык, как и северное наречие образованного населения, близки к языку сказителей, составивших «жертвенные песни», и это действительно подтверждается в том, что касается сандхи, но не совсем так в спряжениях и склонениях. Панини еще знаком субъюнктив и прекатив с их практически ригведийскими формами, в то время как в поздних брахманах и «жертвенных песнях» они не встречаются [Renou 1956: 69].

Кроме жертвенных песен процесс превращения ведийского в санскрит отражают более поздние тексты Упанишад и Сутр. С одной стороны, эти произведения также принадлежат ведийскому канону, а значит, они подвергались «брахманской редакции», стилизации, некоторой намеренной архаизации. С другой стороны, разрыв между живым языком и санскритом становился больше, при этом разговорный язык неизбежно должен был влиять на литературную традицию, если не с точки зрения лексики, то с точки зрения синтаксиса и грамматики.

Как писал В.Г. Эрман, «язык Упанишад представляет собой переходную ступень от ведийского к санскриту эпоса и классической литературы. Язык «Брихадараньяки» и «Чхандогьи», как указывалось, наиболее близок еще языку Брахман; в языке же трех позднейших (прозаических) памятников цикла четырнадцати отмечают черты (близости изысканной и усложненной санскритской прозе позднеклассического периода». В то же время уже ранние упанишады являют следы влияния пракритов (характерные и для эпического санскрита)» [Эрман 1980: 186-187].

После ведийского традиционно располагают эпический (условно 3-2 вв. до н.э.) и классический санскрит (расцвет в 4-5 вв. н.э.), которые также имеют отличительные особенности в грамматике [Елизаренкова 1982: 4].

Эпический санскрит, по общепринятому мнению, представляет собой тот вариант языка, где сохраняются многие ведийские морфологические

формы, но меняется их содержание и значение (*valeur*): то есть, роль в грамматической системе. По мнению некоторых исследователей, в нем отражается смешение паниниевского и «народного» языка [Oberlies 2003: 132]. По-видимому, этот вариант языка вырабатывался не среди брахманов, а среди сказителей-сутов («*sūta*», изначально колесничие). Однако это также был «литературный» язык, не вполне совпадавший с разговорным, хотя он отражал некоторые особенности меняющейся грамматики. В текстах этого периода сильно ощущается влияние традиции устной словесности: к примеру, употребление залога глагола в эпосе, по-видимому, нередко было подчинено требованиям метрики.

В тот период, когда создавались произведения на классическом санскрите, между ним и разговорными наречиями-пракритами существовал уже серьезный разрыв. Санскрит стал по преимуществу литературным языком, функционирующим по особым законам. Вопрос об источниках происхождения классического санскрита остается открытым: некоторые исследователи предполагают, что он основывался на языке сказителей, таком, как в «жертвенных песнях», испытывая при этом влияние разговорных пракритов и того санскрита, на котором разговаривала брахманская «интеллигенция» поздневедийского периода, так что этот вариант языка в чем-то напоминал язык Патанджали, 150 г. до н.э. [Witzel 1989: 32]. В действительности грамматическая система классического санскрита может рассматриваться как отражение очередной стадии существования языка только с учетом определенных условностей. Грамматика языка этого времени отражает не только естественные диахронические процессы, но и, во многом, представления о языковой норме конкретного автора, ориентировавшегося на литературную и лингвистическую традицию.

Скорее всего, процесс изменений в языке происходил бы значительно быстрее, если бы санскрит не имел особого социального статуса и не был бы в свое время кодифицирован древнеиндийскими грамматистами. Так или

иначе, грамматика санскрита к среднеиндоарийскому периоду фундаментально перестраивается. Особенно ярко это заметно на системе времен, в которой теряют силу все противопоставления, и которая впоследствии заменяется новой: вновь базирующейся на видовых различиях несовершенного и совершенного вида. Временные противопоставления снова оформляются позже, уже только в новоиндоарийских языках, при помощи аналитических конструкций со вспомогательными глаголами [Deo 2006: 14].

Таким образом, хронологические рамки понятия «санскрит» можно сужать и расширять в зависимости от выбранного критерия: в данной работе для описания системы прошедших времен в санскрите основным предметом исследования будет выбран «прозаический» санскрит поздневедийских и эпических текстов, с учетом данных ведийского языка и классического санскрита.

1.2. Определение понятия «прошедшее время»

Время — грамматическая категория, которая сообщает отношение действия ко времени, внутреннему либо внешнему. При этом в конкретном языке оно может представлять собой сложное сплетение временных, видовых, таксисных и иных компонентов. Если будущее время чаще связано с модальностью, и существует как категория не во всех языках, то прошедшее время (в противопоставлении настоящему и будущему, или непрошедшему) является практически универсальным ⁷ смыслом, выражаемым очень разнообразными средствами. Прошедшее время сообщает, как действие относится к моменту речи или иной точке отсчета (в терминах предшествования, одновременности и следования). При этом время, понимаемое именно как грамматическая категория, обычно имеет регулярное выражение в виде парадигм форм глагола и определенное поле значений для

⁷ Ср.: «Все языки, в которых время или вид выражается при помощи флексий, имеют грамму прошедшего времени, совершенного вида («perfective») или обе» [Bybee, Dahl 1989: 95].

каждого конкретного языка. Распространенность и важность этих смыслов обусловило закрепление времени в грамматике. Эта категория отражает, конечно, не столько реальный (физический) процесс, сколько представление человека о времени, в котором он существует. Как и другие категории с семантической доминантой, время идиоматично: другими словами, содержание этой категории в различных языках мира не совпадает. Так, в индоевропейских языках, как принято считать, связь времени и вида изначально была очень тесной: по реконструкциям предполагается, что первичной оппозицией была видовая, а временная сформировалась на ее основе позже⁸. При этом уже в самом древнем индийском памятнике, РВ, представлена сложная и разветвленная система времен и наклонений.

Внутри категории времени принято различать дейксис и таксис: время абсолютное и относительное. Если дейксис выражает отношение действия к моменту речи, то таксис — категория, которая выражает одновременность, предшествование и следование по отношению к иной точке отсчета, эксплицитно или имплицитно обусловленной контекстом [Плунгян 2003: 271]. В санскритских временах нет противопоставления по таксису: настоящее время может использоваться в роли описательного прошедшего, а прошедшие времена могут обозначать, в том числе, предшествование одного действия другому (*plusquamperfect*) [Speijer 1886: 242]. Таким образом, санскрит принадлежит к тому типу языков, в котором для выражения таксиса используются неличные, несамостоятельные формы: адъективные (в основном, в виде независимых причастных оборотов) и адвербиальные

⁸ По мнению некоторых исследователей, в праиндоевропейском ранние глагольные формы были модальными и выражали действие безотносительно вида [Hewson, Bubenik 1997: 46], однако, по-видимому, было противопоставление по способу действия (*Aktionsart*): корни, которые использовались в этих ранних модальных формах, и которые позже легли в основу парадигмы аориста, обладали точечным, телическим характером, а корни, используемые в формах настоящего времени, часто характеризовались итеративностью, продолженностью, ателичностью [Rose 1997: 22]. В свою очередь индоевропейская глагольная система, по гипотезе Е. Куриловича, уже была основана на видовом противопоставлении (цит. по. [Rose 1997: 6]). Так или иначе, выражение времени оформилось позднее.

(деепричастия)⁹. Они синтаксически зависят от той глагольной формы в предложении, которая выражает абсолютное время. Однако, по-видимому, аорист и перфект в какие-то периоды времени имели таксисную функцию.

Еще одна грамматическая категория, которую можно вспомнить в контексте санскритского глагола, — предложенная А.В. Бондарко категория временной локализованности действия. Эта категория, наравне со временем, модальностью, лицом, выражает отнесенность содержания предложения к действительности. Описываемая ситуация может интерпретироваться либо как соотнесенная с конкретным моментом/ отрезком времени, либо как повторяющаяся неопределенное количество раз, обычная, либо как нейтральная в этом отношении [Бондарко 1978: 123-123]. Хотя временная локализованность не имела регулярного выражения в санскрите, в некоторые периоды, по-видимому, она могла служить одним из критериев противопоставления времен.

Отношение видовых и временных составляющих времен в санскрите — сложный вопрос, получивший разнообразные трактовки у исследователей. Грамматический вид сообщает «внутреннее время», структуру действия, или, по классическому определению [Пешковский 2001: 106] описывает, «как протекает во времени или как распределяется во времени» действие, выраженное глаголом. В отличие от времени, вид не является дейктической категорией, то есть, ничего не сообщает об отношении действия к моменту речи. Существуют различные классификации видов, наиболее известными и изученными в индоевропеистике являются оппозиция совершенного (perfective) и несовершенного (imperfective) видов и оппозиция имперфект-аорист. Также к этой классификации примыкает особая видовременная форма: перфект (perfect/retrospective). Совершенный вид характеризует

⁹ Как отмечает В.А. Плунгян, «...в таких системах диахронически таксис возникает на основе аспектуальных противопоставлений, а время (как, по-видимому, и во всех других случаях) — на основе таксисных; эта семантическая (и диахроническая) вторичность времени сказывается в разнородности употреблений временных граммем и частом отсутствии ясной дейктической доминанты» [Плунгян 2003: 271-272].

действие, мыслимое как законченное, рассматриваемое в целом. Несовершенный вид — незаконченное, либо неограниченное во времени действие. Имперфект как вид обозначает неограниченность протекания или повторяемость действия, а аорист как вид просто констатирует действие как факт прошлого [Маслов 2004: 39]. Перфект как вид характеризует действие, результат которого наличествует в момент речи, значим для настоящего. Семантически его можно условно разделить на статальный («результатив»), с акцентом на текущем состоянии, и акциональный, с акцентом на самом действии в прошлом [Маслов 2004: 54].

Категории времени и вида могут взаимодействовать в языке по-разному. Во-первых, самостоятельные категории вида и времени могут выражаться синкретически, в пределах одной глагольной формы. Иначе, временные формы могут быть «осложнены» значениями типа видовых, становясь тем самым «видо-временными» [Касевич 2011: 85].

Наконец, необходимо отметить, что форма глагола — не только морфологическая, но и синтаксическая единица, выражающая синтаксическое время на уровне предложения и тесно связанная с понятием предикативности¹⁰. Синтаксическое значение глагольной формы не выводимо полностью из морфологического.

В санскрите, как было упомянуто, по традиции описывают три прошедших времени: имперфект, перфект и аорист. Это положение основано на формальном критерии: времена представлены определенными парадигмами форм, которые практически не менялись с ведийского периода и до средневековья. Однако менялась сама природа времен, то есть соотношение их аспектуальных, темпоральных и иных компонентов. Ведийский язык, согласно П. Кипарски, представлял собой яркий пример эволюции вида в грамматическое время [Kiparsky 1998: 1]. Семантика

¹⁰ О видо-временной форме глагола как выразителе синтаксического времени см. [Прокопович 1982: 17-26]

времен и их видовые характеристики в нем были нестабильны, изменчивы: прошедшие времена являли собой сложное сочетание временных, видовых и дискурсивных функций. Как пишет Т.Я. Елизаренкова, в ведийском «нет одно-однозначного соответствия между рядом граммем и бинарными оппозициями дифференциальных признаков времени» [Елизаренкова 1982: 285].

После кодификации древнеиндийскими грамматистами времена на некоторое время и некоторой территории обрели если не отчетливую семантику, то предписанные правила употребления. Тем не менее, со времен Ригведы с оформившейся системой сосуществовали ее региональные варианты, в которые были сняты некоторые семантические оппозиции между парадигмами прошедших времен¹¹. Конечно, это затрудняет определение их лингвистического характера. В текстах разных периодов времена оказывались в разных отношениях друг к другу: периодически они противопоставлены по таксисному значению, временной локализованности, эвиденциальности. Однако постепенно видовое и временное противопоставление имперфекта, перфекта и аориста начало стираться повсеместно.

¹¹ Как отмечает Дж. Кардона, уже в Ригведе встречаются тексты, где не различаются в употреблении перфект и имперфект. Исследователь предполагает, что в последующий период трехчастная система прошедших времен сохраняется на периферии арийского поселения, а в центральном регионе («madhyadeśa») редуцируется до двухчастной, где только аорист противопоставлен перфекту и имперфекту [Cardona 2002: 237].

Глава 2. История изучения санскритских прошедших времен в древний и современный периоды

2.1. История изучения прошедших времен санскрита в древней Индии

В культуре древней Индии закрепился образ санскрита как «совершенного» языка, который необходимо было сохранять неизменным. Несмотря на внимание древнеиндийских грамматиков к устройству языка, по очевидным причинам объектом их интереса не могли стать ни его диалекты¹², ни исторические изменения. Священные тексты, вошедшие в канон, очевидно, редактировались брахманами, которые нивелировали язык, считая все вариации искажением. Эпические произведения отражали большую вариативность, но грамматические системы в них, по-видимому, смешивались. В произведениях на классическом санскрите эти системы выстраивались несколько искусственно, отчасти на основании традиции и грамматических трактатов прошлого.

Важное влияние на историю изучения санскритской грамматики оказал тот факт, что в индийской грамматической традиции издавна существовал авторитетнейший канон, который не потерял значимости и в наше время. При этом язык в нем был представлен с довольно специфической точки зрения. Каноническая грамматика санскрита — «Восьмикнижие» («Aṣṭādhyāyī») легендарного древнеиндийского лингвиста Панини — сыграла ключевую роль в кодификации если не самого языка, который неминуемо менялся, то, по крайней мере, его нормы. Считается, что в «Восьмикнижии» представлен санскрит периода приблизительно 5-4 веков до нашей эры, то есть, времени создания поздних Брахман¹³. Полагают, что Панини опирался на уже сложившуюся традицию, однако труды предшественников той школы

¹² Практически полное отсутствие диалектных различий бросается в глаза уже в самом раннем памятнике индийской словесности, Ригведе [Renou 1956: 10].

¹³ При этом Панини предписывает норму для санскрита в целом, но периодически противопоставляет «мирской» вариант языка языку ведийских текстов, который он называет «чхандас» («chandas» — многозначное слово, обозначающее изначально «желание», но так же «стихотворный метр» и «священный гимн»).

не сохранились. Необходимо учитывать, что вариант языка, предписанный в этой грамматике, не соотносился с самым распространенным в тот период. Как отмечает М. Витцель, изучая локальную, «культурную» форму санскрита, представленную у Панини, можно предположить, что это некий северо-западный диалект, близкий к тому северному наречию, которое восхваляется в текстах, (к примеру, [КБ.7.6]), или даже совпадающий с ним. При более детальном изучении оказывается, что его язык-«bhāṣā» представляет собой весьма архаичный обособленный диалект, который близок скорее к ранневедийскому. От остальной части северной Индии его отделял регион Панджаб, который в то время был, по-видимому, населен грозными племенами, которых арии из региона куру-панчала считали чужаками («bāhika»). И все же, несмотря на свое обособленное положение, Панини знал особенности центральной («madhyadeśa») и восточной форм санскрита, а также цитировал восточных грамматиков; хотя об особенностях наречий своего региона и ближайших окрестностей он был осведомлен намного лучше [Witzel 1989: 65-68].

Примечательно, что своеобразие традиции центрального региона сохранялось и в послеведийский период и практически не испытало на себе влияния господствующей установки о том, что «правильный» санскрит должен соответствовать правилам грамматики Панини. Г.Г. Хок приводит предположение М. Витцеля, что в самых ранних прозаических текстах ведийского канона нарративное употребление перфекта — «восточная» особенность, тогда как западнее и в центре страны в текстах чаще встречается имперфект. Более того, он отмечает, что в поздневедийский период перфект начинает замещать имперфект в качестве времени повествования и на западе. Однако он отвергает утверждение М. Витцеля о том, что нарративное употребление имперфекта, изначально характерное для западных разновидностей санскрита, соответствует предписаниям Панини [Носк 2012: 99-100].

Отличие грамматики Панини от традиционных европейских заключается в том, что «Восьмикнижие» представляет собой не описание языка, а систему правил его использования. По-видимому, не вполне корректно называть эту грамматику порождающей, но нет сомнений в том, что ее можно назвать предписывающей (прескриптивной), а не описывающей (дескриптивной), а также использующей синтетический, а не аналитический подход. Отчасти из-за особой практической функции, отчасти из-за требований устной традиции изложение в ней предельно сжатое (примерно четыре тысячи кратких изречений-сутр), так что она является сводом правил, не содержащим теоретического обоснования и стройной классификации языковой системы. Никаких обобщающих схем и теоретических выкладок нет, есть только инструкция: в определенной ситуации употреблять определенные формы. Грамматика строится от семантики, а точнее интенции говорящего (*vivakṣā*) к готовому, грамотно оформленному высказыванию, сформированному с помощью последовательно применяемых правил. Исходным материалом для построения высказываний служат «словари» фонетики и лексики: как дополнение к основному тексту Панини идут несколько важных списков: «праत्याхара-сутры» (*pratyāhārasūtrāḥ*), классификация звуков санскрита, «дхатупатха» (*dhātupathā*), список глагольных корней с семантикой и классификационными пометами, и «ганапатха» (*gaṇapathā*), список некоторых лексем, иллюстрирующих изложенные в основном тексте правила.

Согласно Панини те парадигмы, которые сейчас принято относить к прошедшему времени, подпадают под управляющее правило (*adhikāra*) «*bhūte*» [A.3.2.84-123] — то есть, входят в «семантический» раздел «в [случае, когда речь идет о] прошлом». Чтобы образовать от корня личную глагольную форму, предписано выбрать из десяти соответствующую группу «лакара»

(«lakāra») личных глагольных окончаний¹⁴. Далее, из соответствующей парадигмы с учетом залога, числа и лица выбираются реальные суффиксы и флексии. Конкретная звуковая форма основы слова («aṅga») определяется регрессивно, по сандхи, уже после того, как установлено окончание словоформы.

Таким образом, вопрос о семантике времени сводится к особенностям употребления той или иной парадигмы, условно обозначенной «лакарой». В «Восьмикнижии» сфера использования той или иной парадигмы определена через систему ограничений. Те формы, которые именуются западными лингвистами аористом, согласно Панини, обозначаются «luṇ» и употребляются как прошедшее время без ограничений. Те, что стали называться имперфектом, с обозначением «laṇ», могут обозначать только события, имевшие место в отдаленном прошлом, буквально «вне пределов текущего дня» («anadyatanabhūte»). Перфект представлен парадигмой «liṭ», которую предписано использовать «в случае произошедшего вне поля зрения» («pāroḥṣabhūte») — то есть, постулируется необходимость его использования в том случае, когда говорящий не был свидетелем событию. Таким образом, в семантику перфекта вплетается особое значение, которое в современной лингвистике известно как эвиденциальность. По традиционной трактовке для перфекта продолжает действовать ограничение об отдаленном прошлом.

Норма, предписанная в «Восьмикнижии», относится, как отмечалось ранее, к языку определенной исторической и географической ситуации. Очевидно, что до, после и даже одновременно системе, описанной Панини, существовали и другие: отчасти получившие отражение в текстах, отчасти

¹⁴ Согласно паниниевской лингвистической терминологии, флексии имеют семантику деятеля, который совершает действие в некоторой определенной ситуации. Абстрактного понятия времени или наклонения у Панини нет. Но с точки зрения современной лингвистики лакары для удобства принято трактовать как наименования десяти времен и наклонений санскритского глагола.

исчезнувшие без следа. Однако лингвистическая традиция в Индии восприняла именно эту норму как эталон, так что в дальнейшем усилия грамматистов были направлены на разъяснение, толкование и комментирование «Восьмикнижия», не считая отдельных оригинальных направлений, таких как лингвофилософия Бхартрихари. Так или иначе, попыток переосмыслить или заменить чем-то грамматику Панини не было.

2.2. Изучение прошедших времен санскрита в рамках современной лингвистики

В Европе труд Панини также произвел сильное впечатление на лингвистов, так что первые описания глагольной системы санскрита основывались именно на нем. Кроме того, большое влияние оказывала традиция изучения древнегреческого: именно морфологическое сходство некоторых форм санскрита и древнегреческого вызвало особый интерес к санскриту европейских лингвистов и привело к созданию компаративистики. Третий фактор, который необходимо учитывать: практически до середины 19 века предметом изучения был в основном классический санскрит и написанная на нем литература.

В конце 19 века начали появляться первые практические грамматики санскрита. Макс Мюллер, в предисловии к первому изданию своей «Грамматики санскрита для начинающих» так определял цель своей работы: «...гораздо сложнее быть точным в каждой мелочи, если предпринимаешь попытку, как это делаю я, переложить труд, составленный Панини, приведя его в соответствие с современными европейскими грамматиками...» [Muller 1870: 1]. Тем самым, М. Мюллер обозначает первый подход к трактовке грамматической системы санскрита в западной индологии. Он заключался в переложении «Восьмикнижия», дополненного материалами средневековых

разъяснительных грамматик, таких как «Prakriyākaumudī»¹⁵, «Siddhāntakaumudī»,¹⁶ и другие (в том толковании и с теми вариациями, с какими первые санскритологи получали ее от местных пандитов-информантов), с большей или меньшей адаптацией ее к европейской лингвистике того времени. При этом лингвисты, безусловно, старались создать целостную, логичную систему. В том же предисловии ученый отмечает, что, несмотря на все достоинства работ по грамматике санскрита, написанных его предшественниками — Ч. Уилкинсом, Т. Бенфеем, Х.Х. Уилсоном, Г. Форстером, В. Кэри, Г.Т. Колбруком, и особенно Ф. Боппом, — в каждой из них встречаются искусственные словоформы, которые практически невозможно найти в литературных текстах [Muller 1870: 8]. В предисловии к третьему изданию ученый признает, что безоглядное следование предписаниям единственного труда, даже если он принадлежит такому великому лингвисту как Панини, может вызывать возражения. Вместе с тем, по его мнению, в контексте обучения санскриту этот метод единственно верен: все санскритские тексты, кроме ведийских и буддийских, поверяются грамматикой Панини, а несоответствующие ей формы, пусть и более древние, всеми индийскими учеными признаются неправильными [Muller 1870: 3-4].¹⁷

Интересно, однако, что в описании прошедших времен М. Мюллер своеобразно трактует правила Панини: в главе, посвященной значению времен и наклонений указано, что «...имперфект не требует пояснений», «...перфект обозначает нечто, окончательно прошедшее», «первый и второй типы аориста обозначают общее прошедшее время и обычно используются как историческое время в повествовании» [Muller 1870: 139].

¹⁵ автор Rāmacandra, 15 век.

¹⁶ автор Bhaṭṭoji, 17 век.

¹⁷ Ученый, безусловно, признает желательность изучения санскритской грамматики в диахронии, создания исторической грамматики, но считает это невозможным на современном ему уровне развития санскритологии.

Составивший еще одну классическую грамматику санскрита М.Моньер-Уильямс очевидно пытался согласовать систему Панини с системой времен древнегреческого. Приводя предписания Панини, ученый интерпретировал их таким образом, чтобы они не противоречили правилам употребления соответствующих времен в древнегреческом: он отмечал, что имперфект «по правилам» («properly») обозначает незавершенное действие в прошлом, перфект — действие, совершенное в определенный момент прошлого, а аорист — любое время в прошлом («time indefinitely past») [Monier Williams 1877: 377]. При этом всякий раз М. Моньер-Уильямс указывал, что встречаются и примеры иного употребления, так что прошедшие времена используются «без особого различения» («without much distinction»), хотя «по правилам» выражают разные степени прошлого [Monier Williams 1877: 134].

К тому времени уже были предприняты важные шаги к исследованию реальных соотношений прошедших времен в санскрите. Первым из западных ученых, кто дополнил изложение грамматики Панини разбором особенностей ведийского и эпического вариантов языка, был Т. Бенфей [Benfey 1868: 73], а первым, кто попытался создать историческую грамматику языка, проследив развитие ведийского языка в классический санскрит — У. Уитни (по [Macdonell 1927: 17-18]).

Т. Бенфей [1868] в своем труде отказался в соответствии с традицией поставить первым разделом описание имени, ученый начал описание языка с глагола, считая его основой всей грамматики санскрита. Далее, ученый очень подробно описал его морфологию, отмечая отдельно особенности образования некоторых глагольных форм в классическом («common») санскрите, текстах ведийского канона, эпических произведениях. Очевидно, что эта грамматика уже была основана на изучении реальных текстов, не менее чем на лингвистической традиции.

Грамматика У. Уитни [Whitney 2003], вышедшая в 1879 г., уже в названии декларирует разделение классического санскрита и языка ведийского канона («Sanskrit Grammar: Including Both the Classical Language, and the Older Dialects, of Veda and Brahmana»). Кроме того, уже на первой странице вступления ученый отмечает, что ранние европейские исследователи санскрита вынужденно опирались на традиционные индийские грамматики, иногда в ущерб научной точности, чего он намерен избегать. У.Уитни постулирует первым же принципом: «1) Представить факты языка в первую очередь так, как они даны в употреблении, в литературе, и только во вторую очередь — так, как они преподносятся местными лингвистами». Описывая использование прошедших времен, ученый отмечает, что в санскрите никогда не было способов формального выражения имперфекта, плюсквамперфекта и перфекта (не считая ведийского аориста, который имел, в том числе, эту функцию).

А. Макдонелл в своей практической грамматике развивает точку зрения, намеченную до него и знаменующую новый этап в изучении санскритских времен на Западе. Накопление изученного материала приводило к тому, что все попытки непротиворечивого описания прошедших времен были безуспешны. Ученый отмечает, что стремился отойти от буквального следования Панини и ориентироваться исключительно на послеведийскую литературу. Неудивительно, что в грамматике А. Макдонелла, в главе раздела «Синтаксис», посвященной употреблению времен, в первую очередь отмечено, что прошедшие времена употребляются «без разбора» («promiscuously») [Macdonell 1927: 205]. После этого, однако, приводятся правила Панини, но они представлены скорее как тенденции употребления, а не как строгие грамматические законы. Так, интерпретация перфекта и имперфекта «по правилам» («properly») совпадает с приводимой в «Восьмикнижии» (первый должен употребляться только в контексте отдаленного прошлого, не засвидетельствованного говорящим; второй

выражает историческое прошедшее в рамках личного опыта говорящего). Аорист А. Макдонелл напрямую отождествляет с английским Present Perfect, хотя это и не следует из правил «Восьмикнижия» [Macdonell 1927: 205-206].

Таким образом, необходимо отметить особое влияние грамматики Панини на изучение санскрита, и интерпретацию прошедших времен соответственно. Кроме того можно даже предположить, что «Восьмикнижие» повлияло и на сам язык: несмотря на то, что в нем описан локальный вариант языка, постепенно он стал считаться эталонным и, по-видимому, каноническим для литературной традиции классического периода. Благодаря этому, в начале изучения санскритской грамматики в Европе прошедшие времена описывались согласно «Восьмикнижию», им же поверялись конкретные употребления в текстах. Однако эмпирический материал накапливался, и к 20 веку в западной науке сформировалось представление о различных диахронических стадиях развития санскрита, неоднородности и нестабильности семантики времен. Сложились разнообразные классификации систем времен, базировавшиеся на детальном изучении их морфологии. В дальнейшем, с активным развитием в европейском языкознании науке о синтаксисе, все большее внимание стали уделять и особенностям употребления времен, их функционирования. С тех пор исследователи непрерывно создавали труды по истории языка («Histoire de la langue sanskrite» L. Renou), отдельные работы, посвященные синтаксису санскрита в целом («Delbrück B. Das altindische Verbum» (1874), «Sanskrit Syntax» J.S. Speyer, «Epic Syntax» K. Meenakshi) и в частности («On the narrative use of Perfect and Imperfect in the Brahmanas» W.D. Whitney), изучали особенности отдельных времен в синхронии и диахронии («La valeur du parfait dans les hymnes védiques» L. Renou (1925), «The Sanskrit Aorists: Their Classification and History» Ch.R. Lanman).

В целом, система прошедших времен в санскрите привлекала внимание многих ученых-санскритологов, как в Индии, так и за ее пределами. Складывалась традиция, оказывавшая серьезное влияние на все позднейшие исследования. Система прошедших времен и ее позиция в общей картине развития индоевропейской глагольной системы остаются важным объектом изучения современной санскритологии, индоевропеистики и общей лингвистики.

Глава 3. Система прошедших времен в санскрите

Понятие системы времен традиционно обозначает противопоставление всех временных или видовременных парадигм в языке. Однако и часть этой системы сама является подсистемой. Парадигмы аориста, имперфекта и перфекта в санскрите можно представить как систему, общим признаком которой будет потенциальная возможность выражать категориальное значение прошедшего времени. При этом значимость каждого из элементов системы и их взаимосвязи кардинально менялись. Оставаясь различными с точки зрения морфологии, уже в Брахманах времена постепенно перестали противопоставляться в употреблении.

С точки зрения формы времена видоизменялись сравнительно медленно, однако уже в изначальной их структуре заметны некоторые интересные оппозиции. Учитывая известную «прозрачность» санскритских словоформ и интерес индийских лингвистов к связи между структурой слова и его значением¹⁸, можно предположить, что сама форма служила опорой значению, и ее изменение было весьма важным сигналом.

Первая известная нам попытка выяснить взаимосвязь прошедших времен была предпринята уже в «Восьмикнижии». Как отмечает Панини, при применении лакар, отсылающих к настоящему времени, имперфекту, императиву и потенциалису, глагольные основы претерпевают определенное изменение («vikaraṇa»), и поэтому парадигмы окончаний для них называются «применяемыми к полной форме основы» («sārvadhātuka»), Все остальные названы «применяемыми к сокращенной форме основы» («ārdhadhātuka»). Таким образом, у Панини имперфект противопоставлен перфекту и аористу по способу образования основы. В самом деле, имперфект образуется от так называемой «основы настоящего времени», образованной от корня в

¹⁸ Ср. ритуальное этимологизирование: попытки объяснить значение слова через значение его элементов, возводимых к другим словам. Подобное этимологизирование было важным элементом древнеиндийской культуры.

соответствии с глагольным классом, путем прибавления аугмента «а» и «вторичных» личных окончаний. Формы перфекта и аориста образуются не от основы настоящего времени, а от корня, претерпевающего определенные модификации.

Классификация по основе, правда, не отражает очевидного сходства имперфекта с аористом: формы последнего образуются по семи различным парадигмам, также в определенной зависимости от глагольного класса. Как и в случае с имперфектом, аорист образуется с помощью аугмента «а» и «вторичных» личных окончаний, однако они присоединяются либо непосредственно к корню (так называемый «корневой аорист»), либо к корню, за которым следует сигматический аффикс («сигматический аорист» с несколькими фонетическими вариациями), либо к удвоенному корню («удвоительный аорист»). Как и в случае имперфекта, релевантно деление на тематические и атематические глаголы. При этом в некоторых случаях формы аориста буквально совпадают с формами имперфекта, но для каждого конкретного глагола это совпадение разрешается: в настоящем времени используется другая основа настоящего времени [Renou 1946: 53]. Перфект¹⁹ образуется совершенно иначе: вне всякой зависимости от того, к какому классу относится глагол, тематический он или нет. В большинстве случаев основа строится с помощью частичной редупликации корня, после чего к ней прибавляются особые окончания перфекта.

Морфологические сходства и различия пытались отразить в различных гораздо более поздних классификациях: так, в грамматике М.Р. Кале противопоставляются, так называемые, система настоящего времени, система аориста, и система общего времени. В первой релевантна классифицирующая

¹⁹ Интересно отметить, что формы перфекта первого и третьего лица единственного числа совпадают. При этом в языке Вед и Брахман есть и другие случаи совпадения соответственных форм и в настоящем времени, у глаголов второго класса: самые распространенные примеры «īśe» (я/ он обладает, властвует), «duhe» (я/ он доит), «vide» (я/ он находит, обретает), «śaye» (я/ он лежит).

категория глагольного класса, определяющая тип спряжения, а также разделение глаголов на тематические и атематические (принимающие, соответственно, тематические и атематические окончания). В «системе настоящего времени» личные окончания прибавляются к основе, образованной от корня с помощью особых модификаций, в то время как в «системе общего времени» они присоединяются непосредственно к корню [Kale 1977: 239-240].

В грамматике А. Макдонелла [Macdonell 1927] распределение глагольных парадигм на системы по морфологическому критерию сформулировано следующим образом: те времена и наклонения, в которых личные формы образуются от особой основы, образованной в соответствии с классом глагола, относятся к системе настоящего времени. Она названа так условно, поскольку включает в себя, в частности, имперфект. Перфект и аорист относятся к системе общего времени, в которой личные формы образуются напрямую от корня. Это распределение описано уже у Т. Бенфея [Benfey 1868: 46] в качестве гипотезы, но системы он не выделяет.

У. Уитни пересматривает структуру систем временных планов. Он строит более подробную и симметричную классификацию, выделяя четыре системы: систему будущего времени; систему настоящего времени с ее наклонением, причастиями и претеритом-имперфектом; систему перфекта с причастием (в языке Вед также с наклонениями и претеритом: так называемым, плюсквамперфектом); систему аориста с прекативом (оптативом) (в языке Вед также с другими наклонениями и причастием).

Таким образом, по У. Уитни у каждой системы есть «ядро»-индикатив, вокруг которого могут быть сгруппированы претерит, наклонения, формы вторичной репрезентации (причастия). Оказывается, что какие-то из них более частотные, «базовые», другие периферийны. В частности, наиболее

полно представлена система настоящего времени, имеющая максимальный набор дополнительных форм. Ученый приводит интересную статистику преобладания системы настоящего времени над другими: так, в Веде соотношение личных форм этой системы к формам прочих систем составляет три к одному, в АБ — пять к одному, в Хитопадеше — шесть к одному, в Шакунтале — восемь к одному, в Ману — тридцать к одному. Кроме того, система настоящего времени наиболее разветвленная: только в ней релевантно деление на глагольные классы — классифицирующая категория, определяющая, как от глагольного корня будет образована основа, только в ней существуют самостоятельные парадигмы для пассива [Whitney 2003: 226-227].

В дальнейшем исследователи обычно придерживались одной из предложенных ранее классификаций, однако в настоящее время нередки попытки полностью переосмыслить классификацию системы времен, к примеру, на основании известной схемы Х. Рейхенбаха с необходимыми модификациями. Такого рода интерпретации отражены, к примеру, в работах П. Кипарски («Aspect and Event Structure in Vedic» P.Kiparsky) или А. Даля («Toward a formal model of semantic change: A neo-Reichenbachian approach to the development of the Vedic past tense system», E.Dahl).

В целом, западная санскритология занималась в основном построением классификаций по морфологическому и историческому критерию, тогда как единственная функциональная классификация, объединяющая прошедшие времена на прагматическом основании, после Панини практически не переосмыслялась.

Глава 4. Внешние факторы формирования системы

Помимо внутрисистемных факторов были и факторы внешние, оказывавшие не меньшее влияние на формирование системы прошедших времен. Очевидно, что при изучении ведийского и эпического санскрита надо учитывать особый характер текстов, которыми они представлены, традицию и среду, в которой они складывались.

Изучение диалектной вариативности санскрита выходит за рамки данной работы, но ее возможное влияние на воплощение грамматической системы в конкретных текстах также необходимо брать в расчет. Различные особенности образования и употребления времен могут объясняться не только внутренними, грамматическими причинами, но и традициями словесности, сложившимися в определенном регионе. В свою очередь, на местные традиции могли влиять региональные разговорные диалекты-пракриты и даже межязыковые контакты. Благодаря странствующим проповедникам и сказителям новые явления, появившиеся в какой-либо области, могли «путешествовать» на значительные расстояния. Необходимость заучивать тексты наизусть, вероятно, способствовали закреплению подобных особенностей в языке. Подробно этот вопрос рассмотрен в работе М. Витцеля «Tracing the Vedic dialects» [Witzel 1989].

Как известно, традиция словесности в Индии была по преимуществу устной. С одной стороны, это обуславливало значительную опору на метрику и звуковые законы: особенно в эпосе, как упоминалось выше, этот фактор серьезно влиял на выбор грамматических форм. При стершейся семантической разнице между прошедшими временами, решающим фактором для выбора той или иной формы могла быть просто ее слоговая структура, в большей или меньшей степени «укладывавшаяся» в выбранный стихотворный размер.

С другой стороны, устный характер традиции способствовал строгому отбору произведений: сохранялось только то, что понималось особенно важным для самопонимания народа: священным, в определенном смысле культуuroобразующим. Вырабатывались и кристаллизовались жанровые формы, составляющие канон — основу индийской культуры. Каноническими произведениями стали тексты, связанные с ведийским культом: Веды, и сложившаяся вокруг них литература: Брахманы, Упанишады, Сутры, а также эпос: «Махабхарата» и «Рамаяна», позднее также Пураны. Очевидно, что словесность более «низких» фольклорных жанров, описания быта на разговорных наречиях не могли войти в этот канон.

Сохранившиеся тексты свидетельствуют не только о сложности грамматики языка, но и о высоком уровне развития его стилей²⁰. Особенно ярко и характерно стиль проявлялся в формульности: регулярном, «ритмичном» употреблении определенных параллельных конструкций, выражений, слов, звуковых комплексов. Все это создавало глубинную структуру произведения, и в то же время формировало его стилистику. Выражение стиля в лексике очевидно, однако, оно присутствует и на других уровнях. Так, грамматическая категория времени тоже может быть связана со стилем²¹, при условии, что наличие нескольких времен в системе предполагает их семантическую окрашенность и навязывает выбор между ними.

В религиозных текстах и в эпическом нарративе, что естественно, присутствие автора в тексте минимально. Они не просто отражают особенные представления о времени, они по природе недискурсивны, неперсональны: это тексты практически без «я» и без «сейчас». Специфичные представления об устройстве мира и роли человека в нем

²⁰ В данной работе стиль понимается, согласно определению В.В. Колесова как «исторически образовавшееся усложнение системы языка на основе функционально оправданного использования вненормативных вариантов» [Колесов 1990: 19],

²¹ На материале русского языка даже высказывалось предположение о функции времен как конституирующего фактора жанров литературы [цит. по Прокопович 27-31].

отражались и в грамматике. Эти особенности проявлялись на всех уровнях текста, в частности влияли и на репрезентацию в нем действий с точки зрения времени.

Как было упомянуто ранее, в текстах Брахман повествование можно найти по преимуществу в изложении мифологических сюжетов. Такие сюжеты, безусловно, существуют уже во времена сложения Вед, однако в ранних текстах они в подробностях не даны: подразумевается, что они и так знакомы аудитории. В комментаторской литературе Брахман подобные истории часто служат для объяснения тех или иных реалий ритуала. Нередки этиологические сюжеты, космогонические мифы о творении, мифические сюжеты о жизни богов. Какими бы разнообразными они ни были, действие в них всегда происходит «во время óно», иногда туманно обозначенное, но всегда помещенное за пределами временного плана обыденности. Как подчеркивает Я. Гонда, будь то мифологическая или легендарная история, время практически никогда отчетливо не обозначается и не является значимым [Gonda 1975: 392]. И действительно, мифическое мировоззрение подразумевает, что истинная реальность не исторична, она вне времени. А словесность того времени направлена именно на вечность, буквально связана с функционированием древнеиндийского космоса.

Представления о цикличности времени также влияют на семантику глагольных времен. Если весь мир разрушается и творится заново цикл за циклом²², то про отдельное действие сложно сказать, единичное оно, или повторяющееся. Таким образом, точная видовая характеристика действия, к примеру, обозначение длительности его протекания, или актуальности (связь с настоящим), заведомо нехарактерны для религиозных и эпических текстов.

²² Согласно М. Элиаде, это общеиндийское представление впервые выражается уже в АВ 10.8.39-40 [Eliade 1957: 177].

Для подобных текстов важно само называние действия²³, позже — изложение их последовательности, нарратив.

Так, в текстах ведийского канона для категории времени нехарактерны точные значения, характеризующие реальное протекание действия, зато семантику глаголов осложняют ритуальные, метафизические смыслы, связанные с брахманическими представлениями об устройстве космоса.

Важно учитывать и социолингвистический аспект: значительную роль играло и само отношение к языку. Раннее зарождение грамматики, ритуальной этимологии и лингвофилософии подтверждают особое внимание к слову древнеиндийских брахманов. Нет сомнений, что слово воспринималось как важный элемент ритуала и всего ведийского космоса. Весьма вероятно, что использование времен в разговорном варианте языка даже в среде брахманов значительно отличалось, поскольку в бытовом обсуждении для говорящих важны совершенно иные свойства описываемого действия. Разговорная речь неизбежно влияла даже на сакральный язык культа: на материале текстов ведийского канона можно увидеть, как язык постепенно «прозаизируется».

Л.Рену описывает этот процесс следующим образом: параллельно мантрам, начинали прокладывать себе путь и другие литературные жанры. Сначала это были отдельные образцы поэзии скорее афористического (gnomic), чем жреческого характера, которую можно встретить в прозе многих Брахман. Постепенно, в Упанишадах в прозе и в первых Дхармасутрах, она отвоевывала себе все больше пространства. Речь, безусловно, идет не об истинно народной поэзии, но скорее о бедной, приземленной («pédestre»), лишенной лексического инструментария мантр (кроме отдельных встречающихся архаизмов). Она вкратце излагает некий ритуальный эпизод, отсылает к полузабытым легендам. В АБ, в таких

²³Ср. архаичный инъюнктив: глагольная форма, не выражающая времени.

пространных повествованиях как легенда о Шунахшепе, подобные тексты перемежаются с прозой. В конечном счете, они поглотили все пространство текста в стихотворных частях последних Дхармасутр. Но тогда, в то же время, их присутствие потеряло какую-либо значимость с лингвистической точки зрения, поскольку и стихи и проза подвергались единообразной унификации.

Диалоги, которые время от времени встречаются в Ригведе, особенно в десятой мандале, были позднее приспособлены под торжественный слог, лишены сопровождавшего их прозаического окружения, объяснявшего ситуацию и служащего интермедией между частями диалога. Многие эпизоды, а иногда и целые тексты на послеведийском санскрите дают представление о том, как должны были выглядеть изначально эти древние рассказы с диалогами. По языку они во многом отличаются от ранневедийского. Прежде всего, в самих ведийских текстах есть свидетельства их отличающейся природы. К примеру, в АБ.7.18, жрецы отвечают на изречения из шрути²⁴ («śruti»), произносимых в ритуале раджасуя «aum», а после изречения не из шрути словом «tathā». Содержание многих жертвенных песен исторично: они повествуют о деяниях правителей, совершавших жертвоприношения коня («aśvamedha»), и т.д. В этом отношении эти песни кажутся предшественниками эпоса, особенно когда речь в них идет о парикшитах²⁵ («pārikṣita»). Как по метру («anuṣṭubh»/«śloka»), так и по содержанию они отличны от ведийского канона, но, тем не менее, были в него включены [Renou 1956: 69-75] .

Повествование более полно реализуется в эпосе. Как упоминалось ранее, авторами эпоса считаются сказители-суты: носители иной формы языка, так что создаваемые ими произведения, вероятно, были по языку ближе к разговорной речи. Безусловно эпические тексты имели важнейшее культурное значение, особую формульную и метрическую структуру и,

²⁴ Шрути — священные тексты, основанные на откровении.

²⁵ Потомки Парикшита, правителя племени куру, по легенде наследовавшего престол Хастинапуры после Юдхиштыры.

таким образом, были больше, чем словесностью. Тем не менее, эпическое слово, скорее всего, было уже отделено от действия: оно не мыслилось сакральным, фокус смещался с формы на содержание.

Эпические произведения излагают легендарные события прошлого народа. Однако об историчности в отношении эпоса говорить тоже нельзя: подобные тексты также содержат мифологические пласты, и описание реально произошедших событий в них иногда невозможно отделить от мифического субстрата. С точки зрения лингвистики текста, следуя за Т.Я. Елизаренковой, эпические произведения, в том числе и древнеиндийские, можно рассматривать, через призму «плана истории» («*plan d'histoire*» Э. Бенвениста [Benveniste 1966] в противопоставлении «*plan de discours*»). «Историчность» повествования проявляется в самых разных особенностях текста. К примеру, рассказчик практически не присутствует в тексте: это отражается в преимущественном использовании третьего лица глаголов и местоимений²⁶, индикатива, прошедших времен. Как отмечал Э. Бенвенист на материале французского языка, «план истории» может быть представлен отдельной системой глагольных времен, и даже если некоторые времена присутствуют в обоих планах — дискурсивном и историческом, — их реальные функции и значения могут отличаться.

В частности, известно, что настоящее время в недискурсивных текстах меньше привязано к текущему моменту, и чаще выполняет функцию «нейтрального» или «нулевого», в ситуации, мыслящейся как общей, не привязанной ко времени. Оно не имеет дейктической функции, поскольку описываемая ситуация заведомо отдалена во времени от говорящего непреодолимой дистанцией. Так, и в санскрите формы настоящего времени в зависимости от контекста могут относиться как к собственно настоящему, так и к будущему и прошлому [Speijer 1886: 243]. Вместе с тем, поскольку в

²⁶ Э. Бенвенист отмечает, что можно даже говорить об исчезновении некоторых категорий глагола (к примеру, категории лица), если план истории выдерживается во всем тексте повествования [Benveniste 1966: 242].

нарративе эпоса действие заведомо отнесено к прошлому, основная смысловая нагрузка падает на прошедшие времена, что впоследствии могло способствовать развитию их специализации, закреплению за разными временами разных смысловых или стилистических оттенков. Возможно, это послужило одним из факторов развития сложной системы прошедших времен в санскрите.

С теорией Бенвениста до известной степени пересекается концепция «синтаксического релятива» А. Белича («синтаксически релятив» в противопоставлении «синтаксическом индикативу»). Согласно этой теории, в сферу действия синтаксического релятива попадают все тексты, для которых условная точка отсчета времени не совпадает с моментом речи. В частности, среди особенностей функционирования подобных текстов, А. Белич отмечает, что в сфере синтаксического релятива глагольное время обычно менее значительно, и подчиняется виду [Белић 1928: 54]. Это предположение можно применить и к эпическим произведениям, учитывая их особое расположение во времени: как было упомянуто, события эпоса отделены от настоящего временной дистанцией, отчего теряет значение привязка к текущему моменту. Применительно к прошедшим временам санскрита, одной из функций использования того или иного времени часто называют маркирование смены точки зрения или временного плана: переход от отдаленного, мифического прошлого к историческому.

Таким образом, на систему времен санскрита влияли и факторы «внешней лингвистики», определяющиеся особенностями религиозно-мифологических и эпических произведений. Стилистика, во многом обусловленная требованиями устной традиции, зачастую оказывала непосредственное влияние на выбор грамматических форм. Это влияние ярко проявляется при рассмотрении категории глагольного времени: выбор конкретных форм мог служить особым стилистическим инструментом для передачи художественного и религиозного содержания.

Глава 5. Изменения системы прошедших времен

5.1. Ранний период

Для исследования закономерностей употребления прошедших времен в санскрите необходимо в первую очередь кратко описать их употребление в предшествующий период.

Отталкиваясь от морфологии, можно предполагать, что имперфект в ведийском был «простым прошедшим» временем — претеритом в системе настоящего времени. И действительно, это подтверждается современными исследованиями: так, в некоторых теоретических работах семантика имперфекта исчерпывается фразой «В течение всего периода существования — время повествования» [Meenakshi 1983: 22], [Whitney 2003: 278]. В ведийском у имперфекта трудно выделить какую-либо дополнительную семантику: по-видимому, он нейтрален с точки зрения вида, в том смысле, что его видовое значение недостаточно определено: в разных контекстах он может иметь значения как совершенного, так и несовершенного вида [Dahl 2015: 45], как показывают примеры (5.1.1-2).

(5.1.1)

«Разъяренный, как бык, он **выбрал** себе сому»

«vṛṣāyamāṇo 'vṛṇīta somam» ([PB.1.32.3] цит. по [Deo 2007: 106]).

(5.1.2)

«Вритра **лежал**, разбросанный по разным местам».

«vṛtro **aśayad** vyastah/ purutrā vṛtro aśayad vyastah» ([PB.1.32.7] цит. по [Deo 2007: 106]).

Однако для этого периода уже нелегко провести разграничение в употреблении между ним и аористом, что отражает и «недостаточная разграниченность систем аориста и презенса» в морфологии, о которой было упомянуто в соответствующей главе. Надо отметить, что в ведийском аорист

еще занимает существенное место в глагольной системе: его формы образуются от половины всех глагольных корней, хотя парадигмы часто оказываются неполными [Елизаренкова 1982: 323-324].

Чтобы правильно оценить его меняющуюся роль в системе, необходимо учитывать данные реконструкций предыдущего периода. В индоевропейских языках аорист выражал совершенный вид²⁷. В ведийском, однако, эта семантика начинает стираться, значение аориста «нейтрализуется» по виду и тем самым сближается со значением имперфекта. В процессе этого изменения аорист мог периодически противопоставляться имперфекту по разным признакам, что затрудняет его интерпретацию, но все же чаще всего он обозначал просто законченное действие в прошлом [Deo 2006: 107].

Большинство исследователей сходятся в том, что аспектальная природа аориста в Ригведе в целом сохранялась, и значение вида было выражено в нем ярче, чем временное. Я.Гонда отмечает, что в некоторых контекстах можно интерпретировать аорист как обозначение точечного действия происходящего на фоне длительного, выраженного имперфектом, как в примере (5.1.3):

(5.1.3) «Воспеваемый Ангирасами, о удивительный, ты **раскрыл** (*AOR*²⁸) / Мрак вместе с утренней зарей, солнцем, коровами./ Ты **распространил** (*IMPF*), о Индра, поверхность земли./ Ты **укрепил** (*IMPF*) нижнее пространство неба²⁹».

²⁷ Если обратиться к праиндоевропейскому периоду, предполагается, что на первой стадии существовало только видовое различие, выразителем которого были окончания: первичные для несовершенного вида и вторичные для совершенного. При этом формы несовершенного вида имели также семантику итеративности, выражавшуюся суффиксом «sk» или редупликацией корня. На следующей стадии возникло формальное выражение прошедшего времени, носителем которого стал аугмент «а». Таким образом сложился аорист, выражающий совершенный вид в прошлом. Наконец, на третьей стадии, в ведийском санскрите оформляется система времен с их модальными соответствиями, окончательно складывается имперфект, формально как носитель значения несовершенного вида в прошлом, противопоставленный аористу [Hewson, Bubenik 46-50]. Однако нет текстов, где имперфект однозначно имел бы соответствующее значение.

²⁸ Примечания в работе, выделенные курсивом и жирным шрифтом, принадлежат автору.

(«gr̥ṇāno aṅgirobhir dasma **vi var** uṣasā sūryeṇa gobhir andhaḥ / **vi** bhūmyā **aprathaya** indra sānu divo raja uparam **astabhāyaḥ**») ([PB.1.62.5], цит. по [Gonda 1962:56]).

Но это противопоставление никогда не выдерживалось на уровне целого текста и не входило в систему, оставаясь тенденцией. Еще одной такой тенденцией было употребление аориста для обозначения повторяющегося действия: по-видимому, повторявшегося в прошлом и продолжающегося повторяться в настоящем [Gonda 1962: 59]. Так, к примеру, формой аориста описан бог-солнце Савитар в примере (5.1.4):

(5.1.4)

«...Каждый вечер **стоит** бог, воспеваемый»

(«...**asthād** devaḥ pratidoṣaṁ gr̥ṇānaḥ») ([PB.1.35.10] цит. по [Gonda 1962: 59])

По мнению П. Кипарски, в нефинитных и модальных глагольных формах аорист сохранял значение совершенного вида, а в индикативе обрел целый ряд темпоральных значений. В главном предложении сложного он часто обозначал действие, произошедшее в недавнем прошлом, как в примере (5.1.5):

(5.1.5)

«Тому, кто под вечер остался у Араньяни,/ Чудится: (кто-то) **закричал**».

(«vasannaraṇyānyāṁ sāyam**akrukṣaditi** manyate») ([PB.10.146.4] цит. по [Kiparsky 1998:2]).

Но также аорист мог реализовывать и таксисную функцию, обозначая предшествование действия в придаточном предложении по отношению к действию в главном, как в примере (5.1.6):

(5.1.6)

«...Ликовали жены, вслед тебе – все боги,/ Когда, о Индра, ты **убил** Шушну, Пипру,/ Куяву, Вритру, когда ты **раз(рушил)** крепости Шамбары».

²⁹ Здесь и далее в силу архаичности языка примеры из РВ даны не в глоссировании, а по классическому переводу [Елизаренкова 1989, 1995 1999].

(«...viśve devāso amadann anu tvā/ śuṣṇam pipruṃ kuyavaṃ vṛtram indra yadā**vadhīr vi** puraḥ śambarasya») ([PB.1.103.7-8] цит. по [Kiparsky 1998:2]).

В этом случае необязательно, чтобы событие происходило недавно, как относительно времени высказывания, так и относительно того времени, к которому отсылает главное предложение. Еще одним общепризнанным употреблением ведийского аориста исследователь называет констатацию факта прошлого.

(5.1.7)

«Целиком ты был господином (всех) благ/ Ты **наделил** имуществом все народы, о Индра».

(«satrābhavo vasupatir vasūnām/ datre viśvā **adhithā** indra kṛṣṭīḥ») ([PB.4.17.6] цит. по [Kiparsky 1998:3]).

В этой функции, как считается, аорист встречался так же часто, как и имперфект; часто в конце повествования, или как маркер изменения точки зрения [Kiparsky 1998: 2-3]. Существует также мнение, что все значения ранневедийского аориста укладываются в рамки разновидностей значения совершенного вида. Согласно гипотезе А. Даля можно выделить три основных значения аориста ведийского периода: обозначить действие, которое было завершено ранее, чем другая ситуация в прошлом; действие, которое имело место незадолго до момента речи и даже, в случае предиката с ателической семантикой, — начинающееся действие, как в примере (5.1.8):

(5.1.8)

«Из (каждой) пары одна приветствует другую, / Когда обе **радуются** низвержению вод»

(«anyo anyamanu grbhñātyenorapām/ prasarge yad**amandiṣātām**») ([PB.7.103.4] цит. по [Dahl 2015:46]).

Все эти функции, по мнению исследователя, не были новшеством, а только результатом естественного развития, характерного для семантики совершенного вида [Dahl 2015: 46].

Так или иначе, в течение ведийского периода аорист постепенно терял маркированность по виду и сближался с имперфектом. Возникающая конкуренция двух форм требовала отказа от одной из них, или их нового разграничения.

Если общеиндоевропейский аорист и имперфект были противопоставлены друг другу по виду, то перфект изначально занимал особое положение в этой системе. Древний синтетический перфект — особая часть речи, категория состояния [Маслов 2004: 57], изначально не имевшая значения прошедшего времени. Однако в ведийском семантика перфекта расширилась, так что он стал способен обозначать и прошедшее время также. Появление этой семантики в индоевропеистике описывается по следующей схеме на таблице (5.1):

Таблица (5.1) Трансформация категории перфекта

Обозначение состояния →	статальный перфект →	акциональный перфект →	неперфектный претерит
-------------------------	----------------------	------------------------	-----------------------

Как отмечает П. Кипарски, одним из ярких специфических употреблений перфекта было указание на неоднократность или длительность события в прошлом, как в примере (5.1.9), в противопоставлении имперфекту, обозначающему единственное событие:

(5.1.9)

«Даря семь сокровищ в каждом доме,/ Агни всегда **усаживается** (*PRF*) как хотар, жертвующий лучше (других) / Агни **уселся** (*AOR*) как хотар, жертвующий лучше (других)...».

(«dame-dame sapta ratnā dadhāno 'gnir hotā ni **śasādā** yajīyān/ agnir hotā **ny asīdad** yajīyān ...») ([PB.5.1.5-6] цит. по [Kiparsky 1998: 5]).

В случае употребления нескольких глаголов, связанных квантором общности, перфект использовался часто. Нередко он употреблялся и в случае, если глагол был один, но использовался такой квантор общности, как «всегда», как в примерах (5.1.10), или квантор существования «много раз».

(5.1.10)

«Всегда, о два поэта, я **хотел** вашей милости».

(«sadā kavī sumatim **ā cake**») ([PB.1.117.23] цит. по [Kiparsky 1998:5]).

Также перфект стандартно использовался для обобщающих и констатирующих (generic и habitual) предложений, придаточных предложений обобщающего характера (generalizing relative clauses: «whoever, whatever», «in whatever way»), как в примере (5.1.11) и обобщающих вопросов («who (all)», «whatever» etc.)) [Kiparsky 1998: 4-6].

(5.1.11)

«И что он **выпил** (*PRF*), и трава, что он **съел** (*PRF*), / Все это твое пусть будет среди богов!»

(«yac ca **paṇau** yac ca ghāsim **jaghāsa** sarvā tā te api deveṣv astu») (PB.1.162.14 цит. по [Kiparsky 1998: 6].

Перфект постепенно семантически сближался с формами претерита: как с аористом, так и с имперфектом — поскольку видовое различие между аористом и имперфектом стиралось, оба времени обрели функцию невидового нарратива [Маслов 2004: 59]. Обозначение состояния дополнялось указанием на действие, которого послужило его причиной. Эта трансформация особенно ярко проявляется в ведийском: перфект мантр сильно отличается от перфекта Брахман. Первый еще обладал «обескураживающим разнообразием значений» [Whitney 2003: 296]: как время повествования он встречался редко, иногда передавал значение

завершенного действия, или действия в недавнем прошлом, но чаще всего имел значение, практически неразличимое с настоящим временем.

Ведийский перфект, с одной стороны, «выражал видовое значение состояния», «часто выражал состояние, достигнутое в результате завершившегося действия», с другой — уже констатировал действие и в этой функции оказывался «близок к значению аориста», и даже «употреблялся как время повествования о прошлом наряду с имперфектом» [Елизаренкова 1982: 287]. Подобные употребления встречаются уже в текстах самхит: так, в примере (5.1.12) ³⁰ форма перфекта употреблена в повествовательном значении, и противопоставлена форме аориста:

(5.1.12)

indra-sya	nu	vīryā-ṇi	pra-voc-aṃ	yāni	ca~kār-a	prathamāni	vajrī
Индра-	PRT	подвиг-	рассказыв	который	делать-	первый-	владеющий
GEN		PL.ACC	ать-	[PL.ACC]	PRF.3S	PL.ACC	ваджрой ³¹
			AOR.1SG		G		[NOM]
‘[Я] рассказал про подвиги Индры, которые Громовержец совершил первыми’[MC.4.14.13].							

Некоторые исследователи рассматривают ранневедийский перфект в терминах общеиндоевропейского: так, А. Даль отмечает, что ранневедийский перфект использовался, чтобы выразить, что описываемая ситуация происходила неопределенное количество раз до момента речи; что ситуация продолжалась некоторое время в прошлом и сохраняется на момент речи; что ситуация завершилась до момента речи, но результат ее на этот момент оставался актуальным. Эти значения, сформулированные таким образом, соответствуют так называемым экзистенциальному, универсальному и результативному употреблениям, к примеру, английского Present Perfect

³⁰ Здесь и далее приведено сокращенное глоссирование, включающее только самую необходимую для исследования информацию.

³¹ Ваджра — молния и мифическое оружие Индры-Громовержца.

[Dahl 2015: 50]. При этом в описании поздневедийского перфекта исследователь следует за Панини, указывая, что данное время используется для обозначения событий, незасвидетельствованных говорящим [Dahl 2015: 47].

Именно в ведийский период, в результате медленного и неравномерного сближения в семантике аориста, имперфекта с одной стороны и перфекта с другой, формируется система прошедших времен. При этом ошибочно было бы считать, что значения, присущие временам в предыдущий период, сменяются новыми. Система предыдущего периода, не включавшая перфект и строившаяся на противопоставлении видов, изменилась за счет расширения значений всех ее элементов. Архаичная семантика зачастую восстанавливалась в употреблениях следующего периода, что отражало переходное состояние системы прошедших времен. Недостаточная спецификация элементов придавала системе неустойчивость и предопределяла последующие изменения.

5.2. Средне- и поздневедийский период

В ЯВ (8-9 вв. до н.э.) единственным временем повествования еще служит имперфект [Witzel 1989: 28]. В Брахманах противопоставление перфекта и имперфекта постепенно³² нейтрализуется. Вместе с тем в ранних текстах эти времена не абсолютно взаимозаменяемы, какой бы ни был критерий их различения. Так, в большинстве Брахман формы имперфекта встречаются в несколько раз чаще³³, и только в ШБ формы перфекта

³² «В более древних текстах (МС, КС, ТС, ТБ, ТА, АБ 1-5; ШБ 6-10 и т.п.) сохраняется употребление имперфекта, тогда как в новейших текстах используется перфект (ЧхУ, БАУ, ШБ 1-5, 11-14; АБ 6-8; ВадхБ., а также в некоторых очень поздних вставках в таких текстах, как КБ = ТБ 3.10.11). Надо также отметить, однако, что даже в Араньяке [ШБ 14.1-3] уже используется перфект как повествовательное время» [Witzel 1989: 41-42]. Также ср. У.Уитни «On the narrative use of Imperfect and Perfect in Brahmanas» [Whitney 1892].

³³ М. Витцель [Witzel 1989: 44-45] отмечает, что все тексты с преобладанием имперфектов (в том числе 6-10 книги ШБ) предположительно имеют отношение к западной традиции, кроме ТС-ТБ-ТА, которые относятся к центральной. Исследователь предполагает, что

преобладают. К примеру, в ПБ соотношение форм перфекта и имперфекта как времен повествования 1 к 130, в ТС 1 к 70, в МС 1 к 64. Однако в АБ соотношение уже 1 к 4, причем в последних двух книгах формы перфекта употребляется даже чаще: так, известная легенда о Шунахшепе [АБ 7.13-18] пересказана в 114 формах перфекта [Whitney 1892: 15].

Очевидно, что функциональность перфекта в этот период менялась. Изредка встречались стативные употребления, сходные с индоевропейским перфектом в его изначальной функции: некоторые глаголы имеют тенденцию употребляться именно в таком значении, как, например «dhr̥» («держат») в примере (5.2.1):

(5.2.1)

...vāc-ā

paśū-‘n

dā~dhār-a...

Речь-INSTR.SG

скот-PL.ACC

держат-PRF.3SG

'...с помощью Речи он **содержит** скот...' [ПБ.10.3.13].

Но в большинстве случаев перфект начал регулярно ассоциироваться с прошедшим временем. Процесс мог развиваться следующим образом: удвоение, изначальное общий конституирующий элемент для настоящего и перфекта, стал чаще отождествляться с перфектом. Итеративный аспект перфекта, иконически изображаемый этим элементом, позволял неограниченно продолжить цепь обозначаемых событий в прошлое. Таким образом, формами перфекта можно было описать действия, произошедшие в отдаленном прошлом, настолько далеко от момента речи, что их нельзя было соотнести с конкретным временем. Благодаря этому перфект стало возможно использовать для общих высказываний и констатаций [Rose 1997: 28].

нарративное использование перфекта впервые появилось на востоке и ко времени создания поздних Брахман распространилось в центр и на юг, повлияв на такие тексты, как КБ и ДжБ.

В целом, в языке, используемом в Брахманах, как имперфект, так и перфект активно используются в повествовании. Но, вероятно, перфект все же не был совершенно тождественен имперфекту, поскольку он до некоторой степени сохранял архаичное значение вневременного состояния. Так или иначе, перфект достаточно быстро терял связь с недавним, актуальным прошлым, становясь временем повествования *par excellence*. У.Уитни отмечает, что в Брахманах фактически не встречаются формы перфекта, которые имели бы подобное ретроспективное значение [Whitney 1892: 32].

В большинстве случаев в Брахманах действие, обозначаемое перфектом, можно интерпретировать как произошедшее некогда давно. При этом часто оно не локализовано во времени: можно предположить, что по этой причине повествовательный фрагмент нередко начинался одной-двумя формами перфекта — это могло быть равносильно выражению «некогда», «давным-давно» — и продолжался формами имперфекта.

Так, в [ГБ.1.1.16] повествование о постижении слога «ом» как первопричины сущего начинается двумя формами перфекта («*sasṛje*» пассивная форма от «*sṛj*»: «творить»), «*āpede*» от «*ā-pad*»: «входить») и продолжается четырьмя формами имперфекта («*acarat*» от «*car*»: «двигаться», «*apaśyat*» от «*dṛś*»: «видеть» и дважды «*anvabhavat*» от «*anu-bhū*»: «следовать»).

Возможно, в какой-то исторической и географической ситуации значение перфекту было приписано особое значение, так что он приобрел эзотерический оттенок, обозначая событие, которое было вне границ опыта говорящего, за пределами его обычной жизни. В какой-то мере, этому могла способствовать даже структура образования перфекта: более древние, морфологически не настолько «прозрачные» формы не имели привычных показателей прошедшего времени: аугмента и вторичных окончаний. Особые окончания и удвоенная основа, с ее характерным звучанием, могли осмысляться в эзотерически-спекулятивном контексте, обретая новый смысл.

Уже тогда форма первого лица перфекта, по-видимому, воспринималась как маргинальная. Действительно, ни значение отдаленного прошлого, ни, тем более, эзотерическое значение запредельного переживания не были характерны для передачи собственного опыта говорящего³⁴. В таком случае «необъяснимый» перфект в БАУ, приводимый У. Уитни [Whitney 1892: 21], может иметь мотивировку. В упомянутом отрывке (5.2.2) речь идет о мудреце, знатоке священного гимна Гаятри, который, вопреки ожиданиям, переродился в слона, не получив освобождения. На вопрос царя Джанаки о причинах произошедшего он отвечает, что не знал сути, первопричины (буквально «лица»: «mukhaṃ») Гаятри:

(5.2.2)

mukha-ṃ	hy	asyāḥ	samrāṇ	na
лицо-ACC.SG	PRT	это[GEN.F.SG]	повелитель [VOC.SG]	NEG
vidāṃ	sa~kar-e	‘ti	ho	‘~vāc-a
знать	делать-	QUOT	PRT	говорить-
INF*³⁵	PRF.3.SG			PRF.3.SG

‘«О повелитель, [я] не **знал** ее лица», — **сказал** [он]’ [БАУ 5.14.8].

Глаголы с семантикой знания, как в примере (5.2.1), изначально не подразумевают точной локализации во времени; кроме того, речь идет о прошлом рождении. Возможно, перфект здесь маркирует дистанцию между нынешним моментом и отдаленным прошлым, при этом не пересекающимся с его нынешним опытом и знаниями. Панини зафиксировал эту особенность перфекта в грамматике: перфект должен употребляться «rāḥokṣe»: «вне поля

³⁴ В классическом санскрите употребление «неграмматичной» формы первого лица авторы обосновывали и использовали как стилистический прием.

³⁵ «vidāṃ sakara» — редкая аналитическая форма перфекта от глагола «vid» («знать»). Она упоминается в «Восьмикнижии» как альтернативная синтетической [А.3.1.38]. Возможно, она использовалась, чтобы подчеркнуть значение прошедшего времени, поскольку обычный перфект «veda» традиционно использовался в значении настоящего времени. Морфологически форму «vidāṃ» можно трактовать как квазиинфинитив.

зрения» говорящего. Это дает основания предполагать, что подобное значение перфекта было распространено, или, по крайней мере, известно в тот период и в том регионе, где жил знаменитый грамматист. Надо, однако, признать, что такое употребление встречается далеко не во всех Брахманах, и нехарактерно для последующего периода.

Имперфект сохранял свою функцию повествовательного времени. Несмотря на то, что значение его фактически оставалось прежним, получалось, что соотношение его с другими временами изменилось. Иногда он оказывался противопоставлен перфекту как немаркированное прошедшее: никакого особого эзотерического подтекста имперфект не имел: описываемое действие потенциально могло быть увидено говорящим³⁶.

К примеру, в вышеупомянутой легенде о Шунахшепе в АБ встречаются всего две формы имперфекта, и обе, по-видимому, мотивированы: как пишет У.Уитни, одна используется для передачи события из личного опыта говорящего, другая маркирует смену временного плана [Whitney 1892: 15].

Также в примере (5.2.3) одна из немногих встречающихся в ПБ форм перфекта, по-видимому, противопоставлена форме имперфекта из-за смены временных планов: ситуация / вся жизнь:

(5.2.3)

...sai	‘nam	abrav-īn	nā	‘hai	‘tan	na	śuśruv-a ³⁷ ...
она-	это-	говорить-	NEG	PRT	этот-	NEG	слышать-
NOM.SG	ACC.SG	IMPF.3SG			ACC.SG		PRF.3SG

‘...она **сказала** (*IMPF*) следующее: «[я] действительно об этом [никогда] не **слышала** (*PRF*)’ [ПБ.13.6.9].

³⁶ «though not witnessed by the speaker, could have been within the range of sight» [J.Gonda, цит. по Rose 1997: 25]

³⁷ У. Уитни предлагает читать эту форму как «śuśruve»: пассив [Whitney 1892: 7].

Однако противопоставление имперфекта и перфекта так и не стало системным, и в поздневедийском постепенно начало исчезать: в ДжБ и ШБ эти два времени были практически взаимозаменяемы [Witzel 1989: 49], при этом имперфект употреблялся все реже.

С другой стороны, имперфект и перфект были противопоставлены аористу: последний в этот период закрепил за собой нишу ретроспектива, или актуального прошедшего. В некоторых текстах противопоставление перфекта и аориста использовано для описания ситуации с разных точек зрения: о действии персонажа сообщается формой перфекта, а сам он пересказывает свой опыт формой аориста, как в примере (5.2.4-5):

(5.2.4)

etaśo	ha	vai	muni-r	yajña-sya	āyu-r	da-darś-a
Эташа	PRT	PRT	мудрец- NOM.SG	жертва- GEN.SG	возраст-ACC.SG	видеть-PRF.3SG

‘Мудрец Эташа **видел** возраст³⁸ жертвы’ [КБ.30.4.12].

(5.2.5)

putrak-ā	yajña-sya	āyu-r	a-darś-am	tad	abhilap-ṣyā-mi
сын- VOC.PL	жертва- GEN.SG	возраст- ACC.SG	видеть-AOR.1SG	тот [NOM.N.SG]	рассказывать- FT-1SG

‘Дети, я увидел возраст жертвы, [сейчас вам] расскажу о нем’ [КБ.30.4.13].

Семантика недавнего прошедшего для ведийского аориста — всего лишь одно из его значений раннего периода, которое так прочно утвердилось со временем, что, в конце концов, полностью оттеснило его прочие значения. А.Андрасон [Andrason 2012: 68] предполагает, что первым пропала таксисная функция, обозначение предшествования, которая уже полностью отсутствует в раннем средневедийском. Вторым шагом стало постепенное прекращение

³⁸ «āyus» — возраст, жизнь, энергия, жизненная сила.

использование аориста в ситуациях отдаленного прошлого: подобные употребления изредка встречаются в раннем средневедийском и средневедийском и сокращаются до минимума ко времени позднего средневедийского.

Новое противопоставление нашло отражение в грамматике Панини: при том, что перфект и имперфект употребляются для обозначения событий отдаленного прошлого, только аорист может обозначать актуальное, произошедшее в тот же день действие.

Таким образом, аорист в этот период не имел ограничений в употреблении, но ему все чаще предписывалось значение типичного индоевропейского перфекта: обозначение действия, совершенного в недавнем прошлом и связанного с настоящим, чаще всего в рамках личного опыта говорящего. Так, он стал отчетливо противопоставлен «историческим» временам, перфекту и имперфекту, особенно в Брахманах, Упанишадах и Сутрах [Whitney 2003: 329]. При этом аорист, очевидно, был «живым», активно используемым в тот период временем, имеющим определенную сферу употребления. Однако формы его встречались все реже. Так, уже во времена создания ЯВ система аориста заметно сокращается: аорист «теряет» свои наклонения (субъюнктив, императив, оптатив), сохраняя только инъюнктив с частицей «mā» в воспретительном значении и прекатив³⁹. Впоследствии роль ретроспектива переходит к более простой и регулярной нефинитной форме: причастиям совершенного вида на -ta/-tava(n)t.

5.3. Эпический период

В эпосе соотношение времен едва ли можно назвать системным: создается впечатление, что сказители не различают аорист, перфект и

³⁹ Интересно, что в ЯВ появляются формы описательного аориста, изредка даже от форм прекатива. Впрочем, они, скорее всего, воспринимались как редкое, необычное явление: Панини даже вынес их в отдельный список своей грамматики. В Брахманах таких форм уже нет [Witzel 1989: 28].

имперфект по семантике. По крайней мере, это различие действительно неочевидно в том, что касается длительности действия или его результативности; [не]эвиденциальность перфекта также оказывается нерелевантной для эпического повествования.

При этом внутренних предпосылок к подобному исчезновению различий как будто не было: напротив, в поздневедийском все времена обрели относительно стабильные значения, позволявшие их противопоставить. Но необходимо помнить, что эпические тексты имели иную прагматику и складывались в другой среде: возможно даже, что они изначально наследовали не ведийской системе, а разговорному языку, который имел другую грамматику. Как пишет индийская исследовательница А. Део, во времена создания эпических текстов родными языками для авторов уже были «протопракриты», где для обозначения прошедшего существовала одна только глагольная форма, имеющая значение совершенного вида. При этом в эпосе продолжали употреблять времена санскрита как языка более высокой культуры, не чувствуя и не соблюдая их предписанного распределения [Deo 2015: 110].

Классические ограничения на употребление различных прошедших времен, соблюдение которых искали в текстах практически все исследователи, не действуют в эпическом языке. Вероятнее всего, они просто не были знакомы создателям эпических текстов. Возможные примеры следования предписаниям Панини можно объяснить только как совпадения. Это относится как к частностям, так и к общей схеме времен. Так аорист, закрепивший за собой семантику ретроспектива в паниниевской системе, в эпосе его не имеет. Более того, в вопросительных предложениях, даже касающихся событий недавнего прошлого, Панини предписывает использование исторических времен, а не аориста: есть примеры следования этому правилу, но и примеров его несоблюдения встречается немало. В

примере (5.3.1) речь идет о конфликте, который начался задолго до разговора о нем:

(5.3.1)

kiṃnimittam	a-bhū-d	vairam	śrotum	icch-āmi	tattvataḥ
отчего	быть-	вражда	услышать-INF	хотеть-	на самом деле
	AOR.3SG	[NOM]		PRES.1SG	

‘Хочу узнать, отчего на самом деле **началась** вражда’ [P.4.8.40c].

Таким образом, правила «Восьмикнижия» в этом примере нарушены дважды. Зато здесь можно увидеть значение ретроспектива, присущего аористу в поздневедийский период в текстах многих Брахман. Кроме того, употребление аориста в данном примере могло быть обусловлено соображениями метрического рисунка.

Примеры (5.3.2-3) демонстрируют принципиальное неразличение перфекта и имперфекта в рамках одного четверостишия:

(5.3.2)

pa~pāt-a	sahasā	vālī	nikṛtta	iva	pādapa-ḥ
падать-	внезапно	Валин[NOM]	срубленный[NOM]	словно	дерево-
PRF.3SG					NOM.SG

‘...внезапно **упал** Валин, словно подрубленное дерево’ [P.4.17.1c].

(5.3.3)

a-pata-d	devarāja-sya	muktaraśmi-r	iva	dhvaja-ḥ
падать-	божественный	тот, которого	словно	знамя-
IMP.3SG	царь-GEN.SG	покинуло		NOM.SG.
		сияние-NOM		

‘**Упал** словно потухшее знамя божественного царя’ [P.4.17.2c].

Как можно видеть, одно и то же действие в пределах небольшого отрывка связного повествования обозначено сначала формой перфекта (5.3.2), а затем имперфекта (5.3.3).

Все же перфект чаще сочетался с имперфектом, чем аорист с каким-либо из этих времен [Meenakshi 1983: 161], но постепенно и это противопоставление стало исчезать. Таким образом, нельзя с уверенностью сказать, было ли в этот период хоть какое-нибудь противопоставление прошедших времен по значению: формы любых двух, а иногда и всех трех времен могли встретиться рядом, в одном контексте. Вероятно, можно найти тенденции предпочтительного употребления одного из времен для конкретного глагола, но они не системны: большая часть глаголов в равной степени употреблялись в нескольких временах. Нельзя сказать, что грамматика эпического текста только упростилась: она развивалась по своим законам, имела грамматические особенности: так, описательный перфект уверенно ассоциировался с каузативом и деноминативными спряжениями, а редкие примеры удвоительного аориста по семантике в Рамаяне также были каузативны, в отличие от употребления в Махабхарате [Brockington 1998: 352-353]. Но система временных противопоставлений в тот момент действительно перестраивалась.

Наименее часто употребляемым из прошедших времен стал аорист, формы которого встречаются только от очень ограниченного числа глагольных корней. Имперфект в эпосе использовался заметно чаще, но его употребление практически исчерпывается формами от глаголов говорения, в первую очередь, «brū», больше чем в трети случаев. Самым употребительным из прошедших времен стал перфект, и хотя формы глагола говорения «vas» также составляют значительную часть его употреблений, соотношение все же не такое, как в случае с имперфектом.

Притом, что семантически три времени сближались, морфологически разница между ними сохранялась. Как было показано ранее, формы имперфекта и аориста были несколько сложнее в образовании, требовали учета классификационных категорий. Сказители, очевидно, не стремились к формальному совершенству языка. Напротив, для удобства воспроизведения большого объема текстов необходима была формульность: простые регулярные формы, которые можно было легко инстанцировать: заполнить нужным содержанием. Этот формульный характер проявлялся и на уровне лексики⁴⁰, и на уровне грамматики, диктуя предпочтение тем или иным грамматическим парадигмам.

Возможно, это сыграло свою роль в том, что имперфект постепенно уступил место перфекту, сохраняясь только в застывших лексемах. Другим морфологическим фактором могло быть своеобразие парадигмы перфекта, явно противопоставленного имперфекту, аористу и настоящему времени, и, таким образом, легко считываемую на слух⁴¹. Наконец, перфект не имел аугмента, что во многих случаях избавляло говорящего от необходимости уделять внимание сандхи⁴².

На распространенность перфекта могла повлиять и его изначальная семантика. Исследователь Т. Оберлис предположил, что преобладание в эпосе перфекта было результатом развития одной из первоначальных функций этого времени, а именно, констатация результата некоего события/действия: «это произошло/ было сделано», то есть «теперь это так» [Oberlies 2003: 154]. Так или иначе, в эпосе перфект не имел определенного специфического значения, и чаще всего просто понимался просто как

⁴⁰ О формульном характере эпических произведений см., к примеру, «Древнеиндийский эпос» П. Гринцера [Гринцер 1974].

⁴¹ Доказательством этому могут служить примеры гаплоггии в эпических текстах: удвоение в длинной глагольной форме опускали, поскольку перфект в любом случае обладал особыми окончаниями, так что формы были узнаваемы [Oberlies 2003:218].

⁴² В основном сандхи отражало естественное взаимодействие звуков в потоке речи, но были и некоторые особые, полностью условные (по крайней мере, на уровне синхронии) правила сочетания звуков.

прошедшее время, эквивалентное имперфекту и аористу. Вместе с тем он был и самым распространенным, базовым временем повествования. Можно найти примеры употребления перфекта первого лица в Махабхарате и Рамаяне в значении простого претерита: к примеру, в [Meenakshi 1983: 162]. Остается предположить, что он сохраняет функцию обозначения результата события в прошлом. Хотя необходимо учесть, что встречаются даже маргинальные модальные употребления: так, форма перфекта, 2 л. ед.ч., от «ah» («говорить»), «āttha», дважды употреблен в значении императива ([МБх.3.246.1] и [МБх.5.27.22]) [Oberlies 2003: 154]. Однако в целом перфект становится основным, нейтральным прошедшим временем, так что интереснее рассматривать те случаи, когда вместо него употреблены формы аориста и имперфекта.

Имперфект также часто используется в эпических текстах, не имея при этом регулярно выраженного значения. Самые частотные формы имперфекта в эпосе образованы от глагола говорения «brū» (особенно в 3 л. ед.ч.⁴³: «abravīt»), а также бытия «as» и «bhū» (соответственно, «āsīt», «abhavat»). По-видимому, в этот период он также остается претеритом, не приобретая никакого особенной семантики. Чаще всего контекст побуждает переводить имперфект в значении совершенного вида, но немало и примеров, где действие явно мыслится длительным, незаконченным. Так, в примере (5.3.4) имперфект, очевидно, употреблен в значении несовершенного вида:

(5.3.4)

tri-ṣu	loke-ṣu	na	tv	ās-īt	kaścid	vidurasammita-h
три-LOC	мир- LOC.PL	NEG	PRT	быть- IMPF.3SG	кто либо-NOM	равный Видуре- NOM.

‘Не **было** на свете никого, равного Видуре’ [МБх.1.102.20a].

⁴³ Как было отмечено в главе, посвященной особенностям изучения санскрита в синхронии, грамматика эпоса не вполне соответствует «полной» грамматике языка: так, здесь и далее для глаголов будет рассматриваться форма 3 л. ед. ч. как самая характерная, если не указано иное.

Можно, однако, предположить, что преобладание перфекта как предпочтительного времени для эпического повествования привело к тому, что имперфект приобрел некоторую специфику употребления. В большинстве случаев его возможное использование «блокировалось» употреблением перфекта, так что формы, которые все же находили себе место в тексте, чаще всего лучше «вписывались» в строку с точки зрения метрики, а также постепенно обретали формульный, отчасти стилистический характер.

Так, в Рамаяне вышеупомянутая словоформа «abravīt» встречается 873 раза: из них 551 в конце пады, 156 в начале (из них 23 с сопутствующим союзом-энклитикой «са»: «И сказал...») и 16 в начале с предшествующим наречием «atha» («Тогда сказал...»); то есть 723 из 873 употреблений приходится на метрически важные позиции и явно выполняют конституирующую функцию в стихе.

Какое-то время имперфект преобладает в этой функции: так, конкурирующая с ним форма перфекта от «vac» («uvāsa»), с приставками и без, употреблена в Рамаяне 520 раз. Другие глаголы говорения используются еще реже: от глагола «brū» формы перфекта не образуются, «āha» от «ah» встречается 79 раз (27 из них с приставкой «pra»), 22 раза употреблена форма глагола «ā-sakṣ» («ācasakṣe»), от глагола «bhāṣ» («babhāṣe») встречается 17 раз, 9 раз от глагола «gad» («jagāda»). Однако со временем вышеупомянутые формы перфекта встречаются все чаще.

Интересно распределяется употребление времен в случае с глаголами бытия. Так, форма имперфекта от глагола бытия «ās», «āsīt», встречается в Рамаяне 138 раз. Форма перфекта от этого же глагола, «āsa», используется 386 раз, однако исключительно в роли вспомогательного глагола для аналитического описательного перфекта.

Глаголы бытия могли также обозначать становление. Это было связано с отсутствием в санскрите глагола для обозначения перехода в иное состояние. Традиционно для передачи подобного значения использовались глаголы движения⁴⁴. Но подобная конструкция требовала абстрактное дополнение, обозначающее новое состояние, в которое *переходит* субъект. Для ситуации приобретения нового признака или статуса все чаще прибегали к конструкции с глаголами бытия. Для описания подобной ситуации могла использоваться конструкция с глаголом «as» в форме имперфекта с существительным, прилагательным или причастием:

(5.3.5)

ās-īd	viṣaṇṇ-o	hr̥ṣṭa-ś	ca	vaidehy-ā	darśanotsuka-ḥ
быть-	опечаленный-	обрадованный-	COM	Вайдехи-	стремящийся
IMPF.3SG	NOM	NOM		GEN	лицезреть-
					NOM

‘[Хануман] стал печальным, [но] и радостным, [так как] жаждал увидеть царевну видехов, [Ситу]’ [P.5.2.52a-c].

Подобные аналитические конструкции выражали ретроспективное значение, свойственное аористу предшествующего периода⁴⁵. Также для описания этой ситуации нередко использовалось сочетание с глаголом «bhū» в форме аориста, как в примере (5.3.6).

(5.3.6)

rājā	‘bhūd	eṣa	dharmātmā	dīrgha	kālam	arimdamah
царь-	быть-	этот-	праведник-	долгий	время	победитель
	AOR.3SG.	NOM	NOM			врагов-
						NOM

‘Этот праведник, победитель врагов, на долгое время стал царем’ [P.1.50.17a].

⁴⁴ Например, известный эвфемизм для смерти, «rañcatvaṃ gam-», буквально обозначает «уйти в пятеричность», то есть, пять стихий

⁴⁵ Подробнее об этом см. [Rose 1997: 108].

Пример (5.3.6), помимо прочего, снова подтверждает, что семантика ретроспектива оставалась значительной тенденцией в употреблении аориста, в отличие от семантики недавнего прошлого. В подобном ретроспективном значении встречаются и упомянутые ранее формы аориста от глаголов движения: «tuṣṭim agamat»: «обрадовался» [МБх. 14,093.029a], «bhayam agamat»: «испугался» [P.2.053.026c]; «viśādam agamat»: «опечалился» [МБх. 01.002.223c], «dhyānam agamat»: «погрузился в медитативное сосредоточение» [МБх.02.016.027a], «udvegam agamat»: «встревожился» [ХВ.65.1] и т.д.

Наконец, можно привести еще один пример (4.3.7), демонстрирующий ретроспективный характер эпического аориста, где использовано характерное наречие «purā»: «с тех пор».

(5.3.7)

viṣṇubhakty-ā	hi	tene	‘dam	jagad	vyāpta-m	a-bhū-t	purā
почитание	PRT	тот	этот-	мир[NOM]	исполненный	быть-	с тех
Вишну-		[INSTR]	NOM		-NOM	AOR.3	пор
INSTR						SG	

‘С тех пор этот мир стал исполнен почитанием Вишну’ [МБх. 12.274.58a].

Отдельно необходимо отметить формульное сочетание «настал великий...» с глаголом бытия «bhū» в форме аориста: к примеру, «ārtanādo mahān abhūt»: «настал великий стон» [МБх.15.7.13c], «śabdo mahān abhūt»: «настал великий шум» [МБх.15.30.2a], «praharṣaḥ sumahān abhūt»: «настала великая радость» [МБх.13.8.28], «saṃgrāmaḥ sumahān abhūt»: «настало великое сражение» [P. 6.46.6a], «yuddhaṃ mahad abhūt»: «настала великая битва» [P.7.28.9a], «vismayaḥ sumahān abhūt»: «настало великое изумление» [P.7.35.25c], «hāhākāro mahān abhūt»: «настал великий плач» [P.7.61.13a] и т.д. Такие же формулы встречаются и позже, к примеру, в Пуранах:

«saṃbhrāmaḥ sumahān **abhūt**»: «настало величайшее смятение» [XB.109.62], «nirghoṣaḥ sumahān **abhūt**»: «настал величайший грохот» [XB.92.37]. В эту же группу можно включить сложные глаголы «prādur bhū»: «показываться», «появляться» и его вариант «prādur as».

С одной стороны, эти конструкции носят явный формульный характер, поднимая описание (в основном военных) действий до более высокого и торжественного регистра. С другой же, все эти употребления, очевидно, отражают ретроспективный характер действия, делая акцент на его результате. Можно предположить, что по аналогии с формами перфекта от глагола «as», формы имперфекта и аориста от глаголов бытия также приобретали неполнозначный характер, образуя аналитические конструкции. В целом, морфологическое, системное значение глагольных форм утрачивалось, заменяясь несколькими синтаксическими функциями разного характера, сферы употребления этих времен заметно сократились⁴⁶.

Таким образом, в эпической разновидности санскрита сферы употребления прошедших времен были настолько широкими и неограниченными, что исчезли критерии их противопоставления. Несмотря на то, что некоторые из времен имели особые грамматические или стилистические функции и вовсе не совпадали в употреблении, они больше не составляли стройной системы.

5.4 Классический и средневековый санскрит

Санскрит науки и литературы принято называть классическим. Словесность на классическом санскрите, по-видимому, продолжала и традицию Брахман, и эпическую традицию: произведения складывались в

⁴⁶ Хотя процесс происходил очень медленно и в эпосе парадигмы еще функционировали: так, по аналогии с формой 3 л. мн.ч. «aghnan» от корня «han» возникает целая парадигма: «aghnam» (1 л. ед.ч., [МБх.3.167.6]), «(abhya)aghnat» (3 л. ед.ч., [МБх.1.9.21], «agnatām» (2 л. дв.ч., [МБх.1.200.21]), форма без аугмента «ghnata» (2 л. мн.ч., [МБх.1.170.3]), «aghnanta» (3 л. мн.ч., [МБх.16.11]) [Oberlies 2003: 210].

основном в брахманской среде, однако жанры и сюжеты лиро-эпическим поэм-кавья, и драмы развивались на основании эпических сказаний. Как отмечает П.А. Гринцер, «... функции декламатора эпоса (суты) постепенно сужались и изменялись, и он в конце концов превратился в руководителя труппы, постановщика и первого актера, иначе говоря в сутрадхару (букв. «держателя нити [представления]») классической индийской драмы» [Гринцер 1984: 30]. Образованные авторы стремились опираться на традиции, сохранять сложную, разработанную систему языка, однако разрыв с разговорными диалектами только увеличивался, время вносило свои коррективы и в литературный санскрит.

Так в произведении о жизни Будды «Буддхачарита» («*Buddhacarita*») Ашвагхоши, непосредственного предшественника классической литературы (предположительно, 2 в. н.э), сохраняются все тенденции употребления времен, описанные выше для эпической литературы. В повествовании преобладает перфект, а редкие примеры имперфекта и аориста представлены по большей части либо глаголами говорения («*tato 'bravīt*» (*IMPF*): «тогда сказал...» [БЧ.3.42], «*athābravīd*» (*IMPF*): «и сказал...» [БЧ.3.55]), либо в ретроспективном полусвязочном употреблении («*prādur abhūt*» (*AOR*) [БЧ.1.23]: «стал явным», «*muditam abhūn*» (*AOR*) [БЧ.1.89]: «стал радостным», «*alamkṛtaś [...] abhūd*» (*AOR*) [БЧ.8.33]: «стал украшенным» и т.д.) Такая преемственность по отношению к эпическому языку могла, в частности, иметь и социолингвистическое объяснение: буддийская традиция противопоставляла себя брахманизму и его учености, санскрит в ней не считался священным языком, как это было в ведийском культе, поэтому для буддийских авторов не характерно было обращение к ведийской грамматической традиции.

Собственно классический санскрит складывался в начале новой эры, когда после периода раздробленности и власти иноземных племен: бактрийских греков, шаков, кушан, восстанавливалось индийское

государство. Внешнюю консолидацию общества сопровождала внутренняя; она влекла за собой ориентацию на ведийское наследие, возрождение культа брахманизма в противовес буддийским и джайнским традициям.

Проявлялось это и в языке: авторы обращались к грамматическим трактатам, стремились следовать древним канонам. Постепенно литературный санскрит перестраивался, превращаясь в поэтический усложненный язык, отчасти воспроизводящий «чистый» санскрит Панини. Снова сформировалось довольно отчетливое противопоставление исторических времен аористу, но оно стало менее строгим. Как отмечает Дж. С. Шпейер, для обозначения исторического прошлого могло использоваться любое из времен, в том числе и аорист, но актуальное прошлое обозначали исключительно аористом и причастиями. При этом «хорошие авторы» стремились соблюдать противопоставления по эвиденциальности, продиктованные «Восьмикнижием» [Spejer 1886: 247]. Но видовая характеристика всех трех времен была недоопределена: они могли использоваться равно как для обозначения однократных действий, так и многократно повторявшихся, как длительных, так и точечных.

Однако со временем влияние разговорных языков на санскрит становилось все явственнее. Если в классическом санскрите «перфект — просто претерит, взаимозаменяемый с имперфектом» [Whitney 2003: 329], то в позднем средневековье, перфект нередко оказывается временем внутреннего повествования-нарратива с отчетливой дискурсивной функцией: обычно формы перфекта употреблялись в конце параграфа или в конце главы, знаменуя собой разрыв в целостности дискурса [Rose 1997: 40]. Практически каждая глава позднесредневековой повести «Веталапанчавимшати», включенной в КСС, повествует о том, как главный герой, царь, возвращается к дереву за демоном-веталой, но он ускользает от него и ему снова приходится за ним возвращаться. К примеру (5.4.1), шестая глава

повествования «Веталапанчавимшати» заканчивается строкой с формой перфекта:

(5.4.1)

sa	sa	rājā	ja~gām-a	bhūyas	tam	āne-tum
он[NOM]	PRT	царь[NOM]	идти-	снова	тот[ACC]	приводить-
			PRF.3SG			INF

‘А царь снова **отправился** забирать его’ [KCC.12.13.54].

У имперфекта и аориста, по-видимому, подобных функций не было. Так, в «Веталапанчавимшати» имперфект использовался наиболее часто по сравнению с аористом и перфектом, однако исключительно в формах наиболее употребимых глаголов: «abhavat» (3л.ед.ч. от «bhū» — «быть»), «akarot» (3л. ед.ч. от «kṛ» — «делать»), «abravīt» (3л.ед.ч. от «brū» — «говорить»). При этом формы имперфекта не обладали дискурсивными функциями, кроме тенденции вводить прямую речь.

Как это в свое время происходило в эпическом санскрите, в средневековом варианте языка морфологический компонент семантики времен стирался, оставалась только нерегулярная функциональность, представленная несколькими тенденциями употребления. Так, по предположению С.Р. Роуз, глагольные формы в позднем классическом санскрите постепенно обретали стилистическую окраску⁴⁷: в повести «Веталапанчавимшати» глаголы в форме «устаревших» перфекта, аориста и имперфекта преобладают во вступлении повествовательного характера, а также встречаются в начале каждой главы, по-видимому, отражая цель автора создать стилистический эффект сказочного зачина» [Rose 1997: 34].

⁴⁷ По мнению С.Р. Роуз, формы имперфекта от глаголов говорения обладали «наиболее переходным характером»: они часто имели после себя изъяснительное придаточное, или прямое дополнение. Как отмечает исследовательница, эти формы несколько чаще использовались при описании персонажей низкого статуса (женщин, торговцев, воров, слуг), что может служить подтверждением высказываемой некоторыми учеными гипотезе о «грубости» винительного падежа и категории переходности в целом» [Rose 1997: 44].

Во второй строке каждой главы действительно часто употребляется форма перфекта, как, например, в (5.4.1):

(5.4.1)

rājā	ja~grāh-a	vetāla-m	punar	aṃs-e	ca~cāl-a	ca
царь[NOM]	хватать,	ветала ⁴⁸	- снова	плечо-	идти-	PRT
	брать-	ACC		LOC	PRF.3SG	
	PRF.3SG					

‘Царь снова **взял** веталу на плечо и **пошел**’ [KCC.12.17.1].

Повествование «Катхасаритсагара» («Kathāsaritsāgara»), записанное в 11 в., содержит небольшой процент форм аориста и имперфекта, основное повествование ведется в перфекте. Семантическое различие времен не соблюдается, однако сохраняются некоторые из тенденций, обозначенных выше.

В частности, встречается сочетание имперфекта от глагола бытия с причастием: «prabuddhaḥ sahasā**bhavat**» (*IMPF*): «вдруг достиг просветления» [KCC.1.6.3], «kṣipraṃ samudbhrānta ivā**bhavat**» (*IMPF*): «внезапно как будто смутился» [KCC.3.4.196]. Есть единичные примеры ситуации становления, выраженной глаголами движения, в том числе в форме аориста: «viśādam **agamat** param»(*AOR*): «в высшей степени опечалился» [KCC.7.5.215], но и «kṣobhaṃ jagāma»: «заволновался» [KCC.6.4.3].

Интересно также отметить новые тенденции в синтаксисе: так, можно встретить пример (5.4.1) употребления причастия несовершенного вида с глаголом бытия, напоминающий о способах действия (Aktionsart) новоиндийского языка хинди:

⁴⁸ Ветала — разновидность демона в индийской мифологии.

(5.4.1)

tatrai	‘va	gacchann	ā-gacchann	ās-īd	vidyādharo	'tha	saḥ
тогда	PRT	уходящий	приходящий	быть-	видьядхар ⁴⁹	тогда	он
		[PTCP.M.SG. NOM]	[PTCP.M. SG.NOM]	IMPF.3SG			

‘Тогда тот видьядхар стал ходить туда-сюда’[KCC.6.8.27].

Таким образом, очевидно, что в средневековом санскрите глагольные формы аориста, имперфекта и перфекта окончательно перестали различаться по семантике, а существовавшие тенденции употребления начали отходить на второй план, уступая новым синтаксическим явлениям, знаменующим полное обновление синтаксиса в целом и глагольной системы в частности. Стилистический критерий не мог лежать в основе противопоставления, необходимого для грамматической системы времен. Семантический — основанный на искусственном восстановлении системы Панини — остался в рамках литературной традиции и ушел в прошлое вместе с ней. Возможно, за счет ретроспективного характера дольше всего в речи оставался аорист: восходящие к нему формы можно встретить и в текстах на пракрите пали. В целом финитная система глагольных времен санскрита в средневековье была полностью забыта: Системы времен в новоиндийских языках формировались на совершенно иных основаниях.

⁴⁹ Видьядхары — мифические существа, обладающие сверхъестественными способностями, по преданию обитающие в Гималаях.

Заключение

Система прошедших времен в санскрите представляла собой сложную структуру, унаследованную из праиндоевропейского языка, постоянно изменяющуюся под влиянием различных факторов. При ее изучении нельзя ограничиваться рамками классического языка, поскольку проявлявшиеся в нем тенденции берут начало в эпическом и ведийском санскрите предшествующих традиций. Уже на самом раннем зафиксированном в текстах этапе эта система не была стабильной из-за разнородности критериев противопоставления времен друг другу и их недостаточной разграниченности по значению. С точки зрения морфологии на протяжении почти всей истории санскрита существовало три времени: аорист, имперфект и перфект. Формально парадигмы изменялись мало, но эти изменения отражали внутренние грамматические процессы; с другой стороны, сама морфология иногда оказывалась фактором воздействия на глагольную систему «изнутри».

Санскрит как язык доступен исследователю только в сохранившихся текстах, так что при изучении его грамматики необходимо принимать во внимание роль «литературного» фактора: в частности, метрики и стилистики, оказывавших большое влияние на воплощение грамматики в тексте. Традиции словесности влияли в том числе на структуру системы прошедших времен: авторы стремились сохранить, унифицировать язык, найти семантические основания морфологической структуре каждого времени и задать их противопоставление как правило. Однако, в конечном счете, естественные изменения проникали и в санскрит, отчасти отражая влияние окружавших его разговорных языков-пракритов: наблюдались тенденции к аналитизму и замене темпоральных противопоставлений аспектуальными. В текстах средних веков формальное различие времен не подкреплено их семантическим противопоставлением, их дискурсивные и стилистические

особенности проявляются нерегулярно и не могут поддерживать функционирование системы.

С этой точки зрения представляется перспективным изучение языка памятников переходных периодов, в частности, упомянутый в работе язык поздних Брахман, Патанджали и доклассических авторов, таких как Ашвагхоша; а также диалектной картины древней Индии: роль географического и социолингвистического фактора должна быть учтена в осмыслении грамматики санскрита в целом и его системы прошедших времен в частности.

Список источников и использованной литературы

1. А — Pāṇini: Aṣṭādhyāyī. [mula text extracted from the commented version] (input by Ms. Mari Minamino) [Электронный ресурс] URL: http://gretil.sub.uni-goettingen.de/gretil/1_sansk/6_sastra/1_gram/paninipu.htm Дата обращения: 04.06.17
2. АБ — Aitareya-Brāhmaṇa. [Электронный ресурс] URL: <http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etcs/ind/aind/ved/rv/ab/ab.htm> Дата обращения: 04.06.17
3. БАУ — Bṛhadāraṇyaka-Upaniṣad [YV/ Śukla, Kāṇva recension], with comm. ascribed to Śaṅkara (input by members of the Sansknet project) [Электронный ресурс] URL: http://gretil.sub.uni-goettingen.de/gretil/1_sansk/1_veda/4_upa/brupsb_c.txt Дата обращения: 04.06.17
4. БЧ — Aśvaghōṣa: Buddhacarita. Input Peter Schreiner. [Электронный ресурс] URL: http://gretil.sub.uni-goettingen.de/gretil/1_sansk/5_poetry/2_kavya/asvbc_1u.htm Дата обращения: 04.06.17
5. ГБ — Gopatha-Brāhmaṇa (input by Arlo Griffiths) [Электронный ресурс] URL: http://gretil.sub.uni-goettingen.de/gretil/1_sansk/1_veda/2_bra/gopbra_u.htm Дата обращения: 04.06.17
6. КБ — Kauṣītaki-Brāhmaṇa (or Śāṅkhāyana-Brāhmaṇa) Input by Muneo Tokunaga [Электронный ресурс] URL: http://gretil.sub.uni-goettingen.de/gretil/1_sansk/1_veda/2_bra/kausibru.htm Дата обращения: 04.06.17
7. КСС — Somadeva: Kathāsaritsāgara. Based on the edition by Durgaprasad and Parab, Bombay : Nirnaya-Sagar Press 1915. [Электронный ресурс] URL: http://gretil.sub.uni-goettingen.de/gretil/1_sansk/5_poetry/4_narr/sokss_pu.htm Дата обращения: 04.06.17
8. МБх — Mahābhārata (input by Muneo Tokunaga) [Электронный ресурс] URL: http://gretil.sub.uni-goettingen.de/gretil/1_sansk/2_epic/mbh/mbh1-18u.zip Дата обращения: 04.06.17
9. МС — Maitrāyaṇi-Saṃhitā (input by TITUS) [Электронный источник] URL: http://gretil.sub.uni-goettingen.de/gretil/1_sansk/1_veda/1_sam/maitrs_au.htm Дата обращения: 04.06.17
10. ПБ — Pañcaviṃśa-Brāhmaṇa [Tāndya-Mahā-Brāhmaṇa] (input by Martin Kümmel, Arlo Griffiths and Masato Kobayashi) [Электронный источник] URL: http://gretil.sub.uni-goettingen.de/gretil/1_sansk/1_veda/2_bra/pncvbr1u.htm Дата обращения: 04.06.17
11. Р — Rāmāyaṇa. On the basis of the text entered by Muneo Tokunaga et al., revised by John Smith, Cambridge.[Электронный ресурс] URL: http://gretil.sub.uni-goettingen.de/gretil/1_sansk/2_epic/ramayana/ram_1-7u.htm Дата обращения: 04.06.17

12. PB — Ṛgveda (input by Barend A. Van Nooten and Gary B. Holland, converted and revised by Detlef Eichler) [Электронный ресурс] URL: http://gretil.sub.uni-goettingen.de/gret_utf.htm#RV_HvNE Дата обращения: 04.06.17
13. XB — Harivaṃśa. Based on the ed. by Parashuram Lakshman Vaidya. Poona : Bhandarkar Oriental Research Institute 1969. [Электронный ресурс] URL: http://gretil.sub.uni-goettingen.de/gretil/1_sanskrit/2_epic/mbh/ext/hv_conpu.htm Дата обращения: 04.06.17
-

14. Белић 1928 — Белић А. О синтаксическом индикативу и «релативу» // *Symbolae grammaticae in honorem Ioannis Rozwadowski*, II. — 1928. — P. 47-55.
15. Бондарко 1978 — Бондарко А.Б. Грамматическое значение и смысл. — Л.: «Наука» 1978.
16. Гринцер 1984 — Гринцер П. А. Санскритская литература первых веков н. э // История всемирной литературы: В 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: «Наука», 1983-1994. Т. 2. — 1984. — С. 26—41.
17. Елизаренкова 1982 — Елизаренкова Т.Я. Грамматика ведийского языка. — М.: «Наука», 1982.
18. Елизаренкова 1989 — Елизаренкова Т.Я. Ригведа. Мандалы I-IV. — М.: Наука, 1989.
19. Елизаренкова 1995 — Елизаренкова Т.Я. Ригведа. Мандалы V-VIII. — М.: Наука, 1995.
20. Елизаренкова 1999 — Елизаренкова Т.Я. Ригведа. Мандалы IX-X. — М.: Наука, 1999.
21. Касевич 2011 — Касевич В.Б. Введение в языкознание: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2011.
22. Колесов 1990 — Колесов В. В. Общие понятия исторической стилистики // Историческая стилистика русского языка. — Петрозаводск, 1990 — С. 16-36.
23. Маслов 2004 — Маслов Ю.С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. — М.: Языки славянской культуры, 2004.
24. Пешковский 2001 — Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. — М.: Языки славянской культуры, 2001.
25. Плунгян 2003 — Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. — М.: Едиториал УРСС, 2003.

26. Прокопович 1982 — Прокопович Е.Н. Глагол в предложении: Семантика и стилистика видо-временных форм. — М.: Наука, 1982.
27. Эрман 1980 — Эрман В.Г. Очерки истории ведийской литературы. — М.: Наука, 1980.
28. Andrason 2012 — Andrason A. A. Non-Unidirectional Movement in the Verbal System? // *Anuario del Seminario de Filología Vasca «Julio de Urquijo»* — 2012. XLVI-1 — P. 55-71.
29. Apte 1946 — Apte V.Sh. The student's guide to Sanskrit composition. — Poona: V.G. Ketkar, 1946.
30. Benfey 1868 — Benfey T. A practical grammar of the Sanskrit language for the use of early students. — London : Trubner, 1868.
31. Benveniste 1966 — Benveniste E. Problèmes de linguistique générale. — Paris, Gallimard, 1966.
32. Brockington 1998 — Brockington J. The Sanskrit Epics. — Leiden; Boston; Koeln : Brill, 1998.
33. Burrow 1973 — Burrow T. The Sanskrit language. — London: Faber and Faber, 1973
34. Bybee, Dahl 1989 — Bybee J. L., Dahl Ö. The Creation of tense and aspect systems in the languages of the world // *Studies in Language* — 1989. 13 (1) — P. 51–103.
35. Cardona 2002 — Cardona G. The Old-Indo-Aryan Tense System // *Journal of the American Oriental Society*: — 2002. No. 122(2) — P. 235-243.
36. Dahl 2015 — Dahl E. Toward a formal model of semantic change: A neo-Reichenbachian approach to the development of the Vedic past tense system // *Lingua Posnaniensis* — 2015. No. 57(1) — P. 41-76.
37. Deo 2006 — Deo A. Tense and Aspect in Indo-Aryan languages: Variation and Diachrony. Doctoral dissertation. — Stanford University, 2006.
38. Eliade 1957 — Eliade M. Time and Eternity in Indian Thought // *Man and Time. Papers from the Eranos Yearbook.* / ed. J. Campbell. — Vol 3. 1957 — P. 173-200.
39. Gonda 1962 — Gonda J. The Aspectual Function of the Rgvedic Present and Aorist. — The Hague: Mouton & Co., 1962.
40. Gonda 1975 — Gonda J. Vedic literature (Saṃhitās and Brāhmaṇas) // *A History of Indian Literature*, Vol. I, Fasc. 1. — Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 1975.
41. Hewson, Bubenik 1997 — Hewson J., Bubenik V. Tense and Aspect in Indo-European Languages, Theory, typology, diachrony// *Current Issues in Linguistic Theory*. No. 145/ ed. E.F. Konrad Koerner. — Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1997.

42. Hock 2012 — Hock H.H. Sanskrit and Panini — Core and periphery // Sanskrita Vimarsha — 2012. No.6 — P. 85-102.
43. Kale 1977 — Kale, M. R. A Higher Sanskrit Grammar. — Delhi: Motilal Banarsidass, 1977.
44. Kiparsky 1998 — Kiparsky P. Aspect and Event Structure in Vedic. // The Yearbook of South Asian Languages and Linguistics/ ed. Rajendra Singh. — New Delhi/Thousand Oaks/London: Sage Publications, 1998.
45. Macdonell 1927 — Macdonell A. A. A Sanskrit Grammar for Students. — 3rd ed. Oxford: Oxford University press, 1927.
46. Meenakshi 1983 — Meenakshi K. Epic Syntax. — New Delhi: Meharchand Lachhhmandas, 1983.
47. Monier Williams 1877 — Monier Williams M. A practical grammar of the Sanskrit language : arranged with reference to the classical languages of Europe, for the use of English students. — Oxford: Clarendon Press, 1877.
48. Muller 1870 — Müller F.M. A Sanskrit Grammar for Beginners, in Devanagari and Roman Letters Throughout. — London: Longmans, Green, and Co., 1870.
49. Oberlies 2003 — Oberlies T. A grammar of Epic Sanskrit. — New York: Walter de Gruyter, 2003.
50. Renou 1946 — Renou L. Grammaire Sanskrite Élémentaire. — Paris: Adrien-Maisonneuve, 1946.
51. Renou 1956 — Renou L. Histoire de la langue sanskrite. — Lyon: AIC, 1956.
52. Rose 1997 — Rose S. R. Tense and Aspect in the Vetālapañcaviṁśati, a work on late Classical Sanskrit. Master's thesis. — Memorial University of Newfoundland, 1997.
53. Spejer 1886 — Spejer J.S. Sanskrit syntax. — Leiden: Brill, 1886.
54. Whitney 1892 — On the Narrative Use of Imperfect and Perfect in the Brahmanas // Transactions of the American Philological Association (1869-1896) — 1892. Vol. 23 — P. 5-34.
55. Whitney 2003 — Whitney W. D. Sanskrit Grammar Including Both the Classical Language, and the Older Dialects, of Veda and Brahmana. — repr. Delhi: LPP, 2003.
56. Witzel 1989 — Witzel M. Tracing the Vedic dialects // Dialectes dans les littératures indo-aryennes/ ed. by Colette Caillat. — 1989 — P. 97-264.